

Сергей БАТАЛОВ

ВОЛЧИЙ ОСТРОВ

На что ты пойдешь, чтобы остаться в живых?..

ЛЮБИМЫЙ ДЕТЕКТИВ

Любимый детектив

Сергей Баталов

Волчий остров

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)6

Баталов С. А.

Волчий остров / С. А. Баталов — «ВЕЧЕ», 2026 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-5869-9

Судьбу предсказать невозможно. Вчера ты — учитель, сегодня — пассажир поезда, а завтра — объект охоты, дичь. Дикий зверь, которого хотят убить исключительно ради собственного удовольствия. Но ты сумел выжить, и обычная утренняя пробежка приносит тебе необычную находку — электронный носитель с информацией, стоящей ее нашему жизни. Или кому-то другому — тому, на кого готовится покушение. Выбор есть: выбросить флешку и спастись самому или попытаться спасти того, приговоренного?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-4484-5869-9

© Баталов С. А., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Часть I. Пейнтбол по-русски	6
Глава 1. Исчезновение	6
Глава 2. В подвале	14
Глава 3. На дне бетонной тюрьмы	27
Глава 4. Шесть часов сна	32
Глава 5. Хозяин бетонной тюрьмы	37
Глава 6. Метод научного тыка	44
Глава 7. Четвертый участник «сафари»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Баталов

Волчий остров

Серия «Любимый детектив» была удостоена Премии МВД РФ в 2018 году.

© Баталов С. А., 2026

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2026

* * *

Часть I. Пейнтбол по-русски

Глава 1. Исчезновение

Сергеа так и не позвонил.

Игорь Гасюк, крепкий молодой мужчина с короткой стрижкой профессионального спортсмена, близоруко прищурился, в который уже раз потыкал пальцем по кнопочкам настольного телефона; задумчиво послушал длинные гудки на другом конце провода. Взял с уголка стола свой сотовый телефон, вновь набрал хорошо известный ему номер.

«Абонент не отвечает или временно недоступен. Попробуйте позвонить позднее!» – вежливым, осточертевшим до одури женским голосом попросил робот – автоответчик сотовой компании.

– Да сколько ж можно звонить позднее? – вслух выругался Игорь, пользуясь тем, что в кабинете шефа никого не было. Он привстал, раздраженно бросил мобильник на недалекое кресло, нервно заходил в тесном помещении из угла в угол.

Сергеа должен был позвонить ему, как только приедет в Новосибирск. Приехать он должен был еще вчера утром. Мог, конечно, на день или на два задержаться в Красноярске, но тогда все равно отзвонился бы.

«Может, у него кончились деньги на телефоне?» – От этой мысли стало немного полегче. Мужчина подобрал с кресла брошенную трубку, долго, несколько раз ошибаясь, набирал код, позволявший узнать, сколько денег осталось на счету его друга...

Деньги на счету были...

«Ладно, наверное, отсыпается после поезда...» – решил успокоить себя Игорь. Он прошел на кухню, нацепил в электрический чайник воды из-под крана, поставил в черный кружок пузатый пластмассовый сосуд, вновь присел на диванчик...

Рассеянно послушал, как начинает шуметь в чайнике нагревающаяся вода...

...Да, раньше была другая жизнь. Другая страна, другие условия. В той, иной стране, великой державе, десятилетия назад умершей и расчлененной по злой воле людей, уже сошедших с политического олимпа, Игорь и Серега были достойными и уважаемыми людьми. Они занимались спортом. Занимались профессионально.

Совместные тренировки сближают. Тысячи километров, пройденные плечо в плечо, сотни игр, сыгранные на одной баскетбольной площадке, дают возможность узнать о человеке абсолютно все. Во время тяжелейшего тридцатипятикилометрового кросса, в ветер, по шиколотку в снегу, невозможно скрыть ни одной черты характера – хорошей или плохой. Здесь, в маленьком коллективе из трех-четырёх бегунов, каждый сам за себя – и одновременно все вместе. Только так можно стать другом – настоящим, подлинным, на всю жизнь.

...Сергеа уехал в Красноярск по каким-то своим делам пять дней назад. Уезжая, он оставил ключ Игорю и попросил раз в пару дней проверять, все ли в порядке в арендованной квартире. Игорь со стыдом подумал, что так и не выбрался ни разу за это время на Северо-Чемской, где его друг снимал однокомнатную.

«Вечерком съезжу!» – вздохнул Гасюк, допивая кофе. Он аккуратно поставил на столик кружку, вытащил из черной кожаной папки документы, близоруко прищурился... Вытянул из кармана очки, привычным движением нацепил их на нос. Накануне вечером, дома, он уже попробовал вчитаться в документ внимательнее, но утомленные ярким летним солнцем глаза лишь скользили по строчкам, совершенно не улавливая смысла. «Ладно, утро вечера мудре-

нее!» – сдался Игорь, решив перенести работу над договором на более удобное утреннее время, когда мозги не так нагружены текущими событиями.

Но, как оказалось, утро только прибавило «головняков».

Вот-вот уже должен был появиться его шеф, а своего мнения по поводу новых партнеров и пометок на черновике договора у Игоря еще не было. Это было не смертельно, но все же...

Официально его должность именовалась – помощник руководителя, но, по сути, он исполнял обязанности руководителя службы безопасности. В том числе и экономической. Без одобрения своего помощника директор фирмы партнерских отношений не завязывал, а уж как Игорю иной раз удавалось добыть нужную информацию о фирмах или людях, случайно или закономерно появившихся в поле зрения руководителя предприятия, знал только он.

На хлебной должности помощника шефа солидной фирмы Гасюк оказался не случайно. Помимо исключительной работоспособности, оставшейся ему «в наследство» от занятий легкой атлетикой, он обладал еще одним качеством, за которое его с завидным постоянством приглашали на работу в различные предприятия и фирмы: он был порядочным человеком. А еще он был очень обязательным. На него можно было положиться во всем. Увы, но эти обычные, в общем-то, человеческие черты в эпоху дикого капитализма оказались в таком дефиците, что даже просто порядочный человек стал редкостью. Деньги или правильная распальцовка теперь, в конце девяностых, зачастую могли заменить все – порядочность, совесть, доброту, милосердие, ум...

Его сегодняшний руководитель был прекрасно осведомлен, каков Игорь в делах; знакомы они были давно, еще с «золотого» периода занятий спортом, и Игорю не хотелось давать лишний повод для изменения его мнения о своей репутации.

Коль он сказал вчера шефу, что к обеду будет готов обсуждать с ним этот документ, значит, так оно и будет!

В предложенном варианте договора что-то сразу насторожило мужчину. Однако он никак не мог понять, что именно...

В двери показался шеф Игоря.

– Знаешь что, Николай! – обратился к своему начальнику Игорь. По праву старой дружбы они как-то сразу стали обращаться друг к другу по имени. – Дай мне еще дня три-четыре, я поработаю с этим документом. Еще раз проконсультируюсь у юриста, наведу справки у наших старых знакомых. Ты не против?

Генеральный немного подумал и согласился.

«Старыми знакомыми» Игоря были бывшие сотрудники Комитета государственной безопасности СССР. Давно покинувшие славные ряды чекистов, они не растеряли своих профессиональных навыков, но, что гораздо важнее, сохранили свои связи с друзьями, по-прежнему состоящими «в рядах». При случае одни делились с бывшими сослуживцами конфиденциальной информацией, другие – приработком. На сленге, принятом между Игорем и его шефом, «навести справки у наших старых знакомых» означало – попросить у отставных контрразведчиков помощи в получении нужной информации. В данном случае – о фирме и ее руководителях. Такая информация в бездонных информационных недрах бывшей «конторы глубокого бурения» имелась. Правда, добыть ее было не легче, чем нефть с километровой глубины. Игорю это удавалось. Не всегда, но когда очень сильно требовалось – удавалось.

Шеф, сделав всего несколько звонков, покинул офис, оставив Игоря, как он говорил, на хозяйстве.

Мужчина машинально выглянул в окно, контролируя перемещения шефа от двери к автомашине, после чего удобно устроился в директорском кресле, нервно покусал ноготь на мизинце.

Прошел к столику, еще раз заварил себе кофе – так легче думалось.

«Куда же мог подеваться Серега? – вновь задумался Игорь, вернувшись в кресло шефа с кружкой горячего напитка. – Напился с горя? Или с какой-нибудь нечаянной радости? На Серегу не похоже. Он и раньше-то спиртное на дух не переносил, выпивал крайне редко и только тогда, когда, как говорится, деваться было некуда, – в компании старых друзей, на Новый год, на свой день рождения – чтобы не обидеть гостей; а уж сейчас – тем более... Многие в такой ситуации, как у него, горе топят в стакане с водкой... Многие, но только не Серега!» – мысленно поспорил сам с собой Гасюк, пытаясь понять, что могло произойти с его другом, который еще два дня назад должен был приехать из соседнего краевого центра.

«Может быть, и приехал... – думал он. – Но почему так щемит в левой половине груди, едва стоит подумать о Сереге? Нет... Что-то здесь нечисто... Что-то с ним произошло!»

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, Игорь решил заняться своими прямыми обязанностями – собрать информацию об их новых партнерах.

– Здорово, Александр! – нарочито бодрым голосом сказал он в трубку сотового, едва заслышав знакомый голос. Своему знакомому из «бывших» он звонил всегда только так – по мобильному. Домашний и рабочие телефоны запросто могли прослушивать, да и сотовый не гарантировал тайны разговора. Но трудностей со съемом информации с мобильного телефона было все же побольше, чем с обычного. Нужна специальная аппаратура, специалисты... – У тебя сегодня на обед какие планы?

– А что, хочешь пригласить? – полушутя-полусерьезно поинтересовался невидимый собеседник, наверняка уже точно зная, что Игорь хочет встретиться с ним и о чем-то поговорить. Когда Гасюк звонил ему на мобильник и спрашивал о планах насчет обеда, это могло означать только одно: нужно срочно встретиться – Игорю нужна помощь.

– Да, хочу!

– Ну, тогда и я не против... Пообедать... Что, как обычно?

– Да, как обычно!

Примерно без четверти час дня Игорь проскользнул через двойную пластиковую дверь и попал в небольшое, но очень приятное кафе недалеко от площади Маркса. Кафе угощало своих посетителей практически домашней пищей. Домашней по вкусу и качеству приготовления. А вот цены на обеды, в отличие от других подобных учреждений городского общепита, отнюдь не огорчали.

Мужчина привычно осмотрелся...

Александра еще не было. Так оно и должно было быть – он придет ровно в тринадцать ноль пять. Мужчина встал в хвост очереди, выбрал поднос поменьше. Красивая девушка, из-за желтой униформы кафе похожая на одуванчик, мило улыбнулась Игорю. Он был здесь постоянным посетителем, и его знали – по крайней мере в лицо.

– Вам как обычно?

Мужчина кивнул. Обычно он брал овощной салат, хорошо прожаренный свиной стейк и пару блинов с вишневым джемом. А вот пил он здесь только чай, поскольку кофе предпочитал исключительно собственного приготовления...

– Блинов пока нет! Тесто кончилось! Ждать будете?

Игорь вновь ответил утвердительно, уточнил:

– Ждать долго?

– Минут пять – семь! Вы тогда пока рассчитывайтесь, начинайте кушать, а когда блины будут готовы, мы вас позовем или принесем сами!

...Мужчина отрезал кусочек от хорошо прожаренного мясного ломтя, зацепил его на кончик вилки, незаметно осмотрелся по сторонам. За соседним столиком мужчина и женщина – по виду влюбленная парочка – наслаждались не столько обедом, сколько обществом друг друга. Рядом с ними, за соседним столиком, три красивые, стильно одетые девицы потягивали

золотистое пиво из высоких и узких бокалов. Девушки мило щебетали, поочередно отвлекаясь, чтобы позвонить кому-то или ответить на звонок по сотовому. Чуть дальше, за столиком у окна, за бутылкой красного вина распались пара «лиц кавказской национальности», судя по выговору – армян. Они громко и гортанно о чем-то спорили между собой, жестикулировали, совершенно не обращая внимания на окружающих. Видно было, что чувствуют себя здесь словно рыба в воде.

«Интересно, чем они занимаются? – мимолетно подумал сибиряк, оценивая упитанные лица, выпирающие животы и пухлые волосатые пальцы южан, густо унизанные большими золотыми печатками; попытался на взгляд оценить вес золотой цепи, оттягивающей толстую шею одного из выходцев с Кавказа. – Да уж точно не машины ремонтируют...»

Александр появился, как обычно, ровно в тринадцать ноль пять. Игорь, сам очень обязательный и пунктуальный, тем не менее всегда поражался этому качеству бывшего контрразведчика – приходиться с точностью до секунды.

– Здорово! Как жизнь?! – Александр стиснул Игорю руку, словно стальными тисками. Среднего роста, обычного телосложения, с самыми заурядными чертами лица, в любой толпе он мог потеряться через пару секунд.

«Наверное, это и есть высший пилотаж чекиста – ничем не выделяться из толпы, быть незаметным даже среди пенсионеров, митингующих на площади Ленина, – мимолетно подумал Игорь. – Хотя... Вряд ли он сам ходит на площадь перед областным правительством. Разве мало в КГБ ветеранов?»

– Здорово! Жизнь? Да по-всякому... Вот помощь твоя опять понадобилась!

– Что, компромат на кого-то надо собрать?

– Компромат? – Игорь прищурил глаза, помотал головой, как бы размышляя над предложением своего знакомого. – Компромат пока не нужен.

– Ну, если понадобится, ты только скажи! Мигом накопаем!

Мужчина мысленно поморщился. Разведкой, то есть помощью информаторов, особенно на прежнем месте работы, в крупной строительной фирме, он пользовался постоянно. Его помощники сливали ему информацию по разным причинам. Иногда это были просто порядочные люди, которым невыносимо было смотреть, как тащат со стройплощадки дорогостоящие материалы и электроинструменты, иные были чем-то обязаны руководителю службы безопасности. Были и такие, кто за свои «услуги» получал небольшие деньжата. Игорь к такому вот мелкому стукачеству относился терпимо: его прежнему руководителю тоже был нужен результат. А без точной информации о том, что происходит на стройплощадках в то время, когда здесь нет никого из прорабов или бригадиров, невозможно справиться с такой задачей, как кража материалов и оборудования... Эффект от его работы был весьма ощутим, он измерялся сотнями тысяч рублей – на такие суммы тянули некоторые из раскрытых им хищений. Впрочем, генеральный директор строительной организации предпочитал «сора» из фирмы не выносить, сам, без милиции, наказывал несунув: прилюдно материл, заставлял вернуть украденное, попавшихся в третий или четвертый раз – увольнял.

Но одно дело – поймать нечистого на руку воришку, и совсем другое – копаться в грязном белье чужих, незнакомых, не сделавших тебе ничего дурного людей, пусть и не самых лучших представителей общества.

– Ты же знаешь, я не занимаюсь сбором компромата! – не удержался-таки Гасюк. – Помощь твоя нужна в другом...

– Чем богаты... – немного демонстративно развел над столом кисти своих рук отставной контрразведчик. Жест этот не обещал ничего хорошего. Тонкий психолог, чекист мгновенно уловил перемену в настроении своего собеседника, правильно увязал его с предложением

собрать компрометирующие материалы. – Я слышал, твой шеф неплохо поднялся... Бандиты одолели?

– Не особо и поднялся. Так, работаем потихоньку... А с братвой мы сами вопросы решаем...

– Так в чем проблема?

– Тут фирмочка одна есть. Предлагает нам свое сотрудничество. Условия – очень интересные... Но что-то настораживает меня в них. Но что именно – не пойму! Может, ты мне поможешь? Узнай, что за люди, что за фирма...

– Это мы всегда! – Взгляд Александра на долю секунды стал стальным, колючим... Потом вдруг снова потеплел. Бывший чекист, на мгновение обнаживший свою тайную, скрытую истинную сущность, вновь стал своим, почти родным, настоящим рубахой-парнем. – Материалы с собой? – уже более деловым тоном поинтересовался он.

Игорь кивнул.

– Давай!

Гасюк передвинул по столу сложенный вчетверо листок, на который он откопировал реквизиты фирмы и фамилии ее руководителей. Его собеседник прикрыл ладонью листок, потянул его на себя.

Через несколько секунд в заведении общепита его уже не было.

Игорь облегченно выдохнул, поблагодарил «одуванчиковую» девочку за принесенные блины, с аппетитом принялся их есть, время от времени погружая горячее тесто в сметану.

«До Чемского отсюда – минут десять, – думал он, – еще столько же – обратно. Так, еще минут десять надо, чтобы подняться в квартиру, поговорить с Серегой, если он там, и спуститься обратно. За полчаса точно управлюсь!»

Он вытащил телефон, набрал номер Николая, уточнил, нет ли каких срочных дел.

– Что-то случилось? – быстро поинтересовался шеф. Чувствовалось, что он чем-то очень-очень занят.

– Ничего особенного. Так, надо доскочить до Чемского, квартиру у друга проверить. За полчаса управлюсь!

– Хорошо, езжай! Когда закончишь, возвращайся в офис, есть срочный разговор!

Игорь спокойно допил чай. Мысленно вновь прокручивая варианты, куда мог исчезнуть его друг, быстро глянул на часы и тотчас же поднялся из-за стола.

На улице он громко пикнул сигнализацией, отпирая дверь своей «двенашки» модного сейчас стального цвета. «Блатной» номер на его машине свидетельствовал о том, что хозяин этого железного коня с большим уважением относится к непобедимому «агенту 007» из произведений Яна Флеминга.

Мужчина привычно огляделся по сторонам, нырнул в духоту накалившейся на солнце-пеке машины.

– Да, не май месяц на дворе! – вслух посетовал он неизвестно кому, заводя мотор. – Не май, а июнь, почти июль! А АвтоВАЗ на свои машины кондиционеры ставить не спешит!

Осторожно спятившись на проезжую часть, он топнул ногой по газу и довольно скоро исчез за ближайшим поворотом...

...Игорь долго давил на кнопку звонка, прислушиваясь к звукам за дверью. Один раз ему даже послышался какой-то шорох за стеной, но это оказались соседи.

– Простите, вы вашего соседа давно видели? – обратился он к пожилой женщине, вышедшей на площадку.

– Давненько... Да... – тяжело дыша, ответила бабушка. – Наверное, с неделю... Или около того... – Она приоткрыла вторую, внутреннюю дверь, из нее выскочила небольшая собачонка, такая же старенькая, как и ее хозяйка. Она бодро зацокала коготками по бетонному

полу, устремившись вниз по лестнице. Следом за ней двинулась и хозяйка, тяжело дыша, шаркая домашними тапочками по грязным бетонным ступеням.

«Если Серега хотя бы один раз после командировки был здесь, местное “КГБ” точно об этом знало бы». – Гасюк за время своей недолгой работы участковым хорошо изучил эту категорию граждан великой России. Такие вот бабушки-пенсионерки, днями напролет восседающие на скамейках возле подъездов, являлись едва ли не самыми лучшими добровольными помощниками сотрудников внутренних органов. Они, как правило, замечали, видели и знали все: кто любит слушать музыку далеко за полночь, кто к кому пришел, кто вышел, кто курил на лестничной площадке и набросал на ней окурков, к кому приходили в гости подростки и потом вместе с сыном хозяина кололись на межэтажной площадке, тупо затолкав использованный шприц за батарею отопления...

Мужчина дождался, пока хлопнет дверь за вышедшей на улицу бабушкой, выданным Серегой ключом отпер дверь в арендуемую им квартиру.

...Запах стоял такой, что в первую же секунду стало ясно: его друг здесь не появлялся давно. Игорь прошел на кухню, поискал источник нестерпимой вони. Холодильник работал. Он заглянул под мойку. Мусорное ведро было почти полным, но в нем не было остатков пищи, которые могли бы пахнуть ТАК, как воняло в квартире. Ознобом пробежал холодок по спине: он узнал этот запах. Так могло вонять только протухшее мясо.

Или – тело, неделю пролежавшее в закрытом помещении. (Прецеденты – имелись.) Он кинулся в единственную комнату, быстро заглянул за диван, дрогнувшей рукой приподнял переднюю половинку скрипучего ветерана отдыха и сна. В диване тоже ничего не было.

«Неужели – в ванне?» – вновь кольнуло в левой половине груди.

Полтора года назад бывшего мужа его знакомой также нашли в ванной. Володю – так звали погибшего мужчину – нашла родственница, обеспокоенная слишком долгим, полутора-месячным отсутствием двоюродного брата. Нашла в ванне. Тело Владимира было порублено на мелкие куски, тщательно расфасовано в пластиковые пакеты и притоплено в воде, вероятно – чтобы меньше пахло. Голова находилась в отдельном пакете. За полтора месяца, проведенных в ванне, тело убитого превратилось в кашу...

Милиция недолго искала убийц. Ими оказались бывшие квартиранты. Позарившись на трехкомнатную квартиру в пригороде Казани, они перед тем, как убить хозяина, долго его пытали, вызнавая, где тот спрятал документы на жилплощадь. Владимир, несмотря на нечеловеческие истязания, им ничего не сказал. Тогда квартирант с подругой убили его. Они расчленили его труп на небольшие части, спрятали их в ванне, залили все водой...

Убийцы тем не менее вычислили, где Владимир мог хранить документы на квартиру.

Они пришли к жилью двоюродной сестры хозяина, у которой хранились документы убитого, долго ее уговаривали открыть дверь. На вопрос «Зачем?» они односложно отвечали: «Надо поговорить!»

Женская интуиция все же потоньше мужской. Дама, предчувствуя недоброе, дверь-таки не открыла.

Как на суде потом заявил ей пойманный впоследствии душегуб: «Я тебя тогда тоже грохнул бы!» Убийца не бравировал: следствие установило, что убийство Владимира – не первое на его счету. Подобные «делишки» он неоднократно проворачивал в других городах России, после чего переезжал, как правило, в соседний областной центр. Если бы сестра Владимира тогда открыла ему дверь, он до сих пор «гастролировал» бы по просторам страны с деньгами, вырученными от продажи квартир убитых им людей.

Игорь с трудом подавил тошноту, подступившую к горлу, – его едва не вырвало. Он наконец догадался пойти на кухню и открыть форточку. После этого, еще немного помывшись, мужчина направился в зал и открыл балконную дверь. Запах стал быстро исчезать...

Наконец Игорь собрался с духом, перевязал лицо чистым куском белой марли, оставленной Серегой на гладильной доске рядом с утюгом, и нерешительно потянул дверь в ванную комнату.

Дверь подалась легко. Он заглянул внутрь. Ни в ванне, ни на полу около нее ничего не было. Не было и удушающего запаха гниющей плоти.

«Та-ак! – крикнул бывший участковый, стягивая с лица двойной слой марли. – Наверное, крыса сдохла! Или мышь!»

Он направился на кухню, отодвинул электроплиту – именно за этим бытовым прибором чаще всего находят свою смерть незадачливые серые любители остатков домашних блюд, упавших на пол при приготовлении пищи. Мышка за плитой была. Но она давно высохла, практически полностью мумифицировалась и давно уже ничем не пахла. Преодолевая отвращение, Игорь приподнял ее за кончик хвоста и бросил в ведро с мусором.

За холодильником вообще ничего не оказалось – даже вездесущих тараканов.

И тут его взгляд упал на микроволновку, белешую на журнальном столике около холодильника. Мужчина наклонился, нажал на кнопку около дверки. Полупрозрачный прямоугольник беззвучно пошел в сторону.

В нос ему ударила такая вонь, что у Игоря на глаза навернулись слезы. В микроволновке, на прозрачном стеклянном блюде, стояли... две сырые котлеты. Очевидно, перед отъездом его друг решил себе приготовить завтрак на скорую руку. Но, как новоиспеченный холостяк, забыл о котлетах. Ограничился одним крепким чаем. Так и укатил в Красноярск, даже не переложив свежее мясо обратно в холодильник.

Смеясь и одновременно сдерживая сильные позывы к рвоте, Гасюк вытащил из микроволновки тарелку с фаршем, опорожнил ее в унитаз. Потом он тщательно вымыл стеклянный круг, пластмассовый обруч и микроволновку.

Найденное протухшее мясо одновременно и радовало, и огорчало. Вносило немного, но хоть какой-то ясности. Стало понятно: из командировки бывший бегун не возвращался, по крайней мере на свою съемную квартиру.

«Может, вернулся к жене? Помирились, дай Бог...» – Игорь искал в квартире записную книжку, надеясь в ней найти номер Марины – бывшей жены Сергея. Книжку он не нашел, но на обоях, около телефона увидел торчавший желтый листочек. «Марина» – жирными буквами было написано на нем, и значился номер, говоривший о том, что его обладатель живет где-то в Заельцовском районе Новосибирска.

Мужчина аккуратно переписал цифры себе в записную книжку, набрал на сотовом шесть цифр. На другом конце провода долго не отвечали; Игорь хотел уже повесить трубку, когда наконец кто-то ответил в телефон женским голосом:

- Общежитие!
- Марину можно?
- Какую?
- А что, их много? И какие есть?
- Есть только одна Марина, но она на работе, звоните вечером!
- Вечером – это после сколько?
- После восьми!

Гасюк припарковал свою «двенашку» возле офиса, толкнул плечом стальную дверь квартиры, купленной и переделанной его шефом в офис.

Кабинет шефа был пуст. Лишь в дальней комнате бодро стучал по клавиатуре Косенков – интеллигентный мужчина за пятьдесят – он работал над книгой.

«Вот и слава Богу! – порадовался этому обстоятельству Игорь. – Коле ждать меня не придется!»

Отвлекать писателя от работы помощник по общим вопросам не считал возможным. Александр Федорович являлся известным новосибирским журналистом, писателем, сценаристом, драматургом. Но прежде всего – локомотивом, движущей силой нового проекта Игоревы шефа. Прекрасно осознавая свою исключительную значимость для бизнеса Николая, он никогда, однако, ею не пользовался. Он был из породы тех самых, настоящих, не придуманных советских трудоголиков. Для него творческий процесс, результаты литературной работы всегда стояли на первом месте, и уж как производные от них – зарплата, признание, регалии...

Впрочем, к последним Александр Федорович стремился меньше всего. Талант и работоспособность в нем поразительно сочетались с глубокой личной скромностью. Со стороны казалось, что его интересует только творчество. Вероятнее всего, так оно и было на самом деле. Он работал по двенадцать – четырнадцать часов в сутки, а иногда по старой советской привычке устраивал себе «субботники» – приходил в офис в выходные дни и много и с удовольствием работал, пользуясь абсолютной тишиной и безлюдьем выходного дня.

Косенков услышал стук двери, неохотно отвлекся от экрана компьютера, непонимающе посмотрел за спину Игоря.

Мужчина обернулся.

– Игорь! У меня к тебе задание! – без предисловий начал шеф, неожиданно появившийся на пороге офиса. – Послезавтра мы с тобой отправляемся в Енисейск. Знаешь, где это?

– Теоретически... Это примерно триста километров вниз по течению Енисея.

– Отлично! На подготовку тебе – один день, а послезавтра утром, часиков в шесть, мы выезжаем. Дорога неблизкая, хорошенько проверь машину. Если надо, замени масло, тосол, возьми с собой ремни, бегунок... – словом, сделай все необходимое перед дальней дорогой. Проверь все мелочи, чтобы не куковать потом где-нибудь посередине между Мариинском и Ачинском. Добро?

– Добро! – ответил Игорь. Он хотел что-то спросить, но передумал. Однако Николай заметил его движение, по-своему истолковал невысказанную просьбу своего заместителя. Он достал из кармана бумажник, вынул из него нетолстую пачку сиреневых купюр, отсчитал четыре штуки, положил их на стол перед Игорем: – Это тебе на расходы для подготовки к командировке!

Ничего больше не объясняя, генеральный подхватил свой кожаный коричневый портфель и, негромко притворив за собой дверь, исчез из квартиры.

Игорь неожиданно подумал, что дорога в Енисейск и обратно будет проходить через Красноярск. Когда все дела будут сделаны, на обратном пути можно будет поговорить с шефом, чтобы он разрешил сделать остановку в краевом центре. Если удастся найти красноярского друга Сереги, можно будет точно узнать, когда тот уехал из Красноярска (и уехал ли вообще!).

Мужчина спрятал в кошелек деньги, добыл из сумки органайзер, открыл его на последней заполненной страничке...

Пролистал назад.

Нашел, что искал. Он вышел на улицу, открыл дверь в машину, сравнил цифры, записанные в органайзере, с теми, которые значились на спидометре.

«До смены масла – две с половиной тысячи километров. До Енисейска – примерно тысяча двести... Плюс там, на месте, тоже придется ездить. Зная Колю – ездить немало. Нет, лучше заменить... Да и масло лучше залить погуще: жара. А у меня с осени – всесезонка», – размышлял Игорь, записывая цифры, на которых он сегодня произведет смену масла.

Мужчина взглянул на часы. До момента, когда к себе в общежитие вернется бывшая жена Сереги, оставалась еще уйма времени. Он повертел головой, вспоминая, где в последний раз покупал масло...

Глава 2. В подвале

...Вначале было слово.

Вырвавшись из луженой глотки скрытого в полной тьме человека, оно погуляло эхом по голым стенам, потолку и холодному полу бетонного подвала, острой стрелой вонзилось в мозг лежащего на полу человека. Мужчина вздрогнул от громкого звука, как от удара по голове чем-то острым. Попытался приподняться, но ноги и руки оказались крепко связаны чем-то прочным и одновременно липким. Мужчина перевернулся на спину, стал двигать ногами по полу, пытаясь зацепиться за что-нибудь и сдернуть с ног путы.

Мощный удар по ребрам перевернул его на бок, человек инстинктивно согнулся, сжался, готовясь к новой боли. Тяжелые, сильные удары по всему телу приходили откуда-то из темноты, невозможно было понять, сколько человек наносят удары и откуда последует очередной.

– Все, хватит! – чей-то резкий окрик мгновенно остановил удары. – Покалечите клиента, недоноски, вам Степа головы отрежет! Дайте ему лучше попить! А еще дайте пожрать! А то он сдохнет у вас до выходных!

– Так нечего, Глеб!

– Сходите в магазин, купите минералки, хлеба, «Роллтон» или «Доширак», скоты тупорылые!

– Щас! Все сделаем!

Послышался звук шагов нескольких человек, обутых в легкую спортивную обувь, скорее всего – кроссовки. Уж в чем в чем, а в обуви Серега разбирался хорошо. Он вновь перевалился на спину, попытался вытянуть затекшие ноги. Голова коснулась холодного бетона, мимолетный контакт с твердой поверхностью отозвался острой режущей болью в затылке. Он попытался вспомнить, как оказался в такой крайне неприятной для себя ситуации, но голова была абсолютно пустой, как будто кто-то намеренно выкачал из нее все мозги, оставив Сереге только пустую черепную коробку.

«Интересно, сколько времени я здесь?» – На этот вопрос ответить оказалось легче, чем на первый. Зачесался небритый подбородок, пленник пошоркал им о плечо... Судя по длине щетины, он не брился два, максимум – три дня.

«Нет! Что-то здесь не то! – подумал он, еще раз переворачиваясь, на этот раз – на другой бок. – Какие-то незнакомые люди, подвал – судя по холоду бетона. Кому это я так насолил, что меня оглушили, связали и бросили в подвал? Я ж за последние лет десять даже матом при посторонних не ругаюсь, не то чтобы гадость кому-то сделать. Наверное, спутали с кем-то, ошиблись! – От этой мысли стало намного легче. – Ничего, скоро разберутся, что я не тот, кто был им нужен, и отпустят!»

...Минут через тридцать вновь послышались шаги. Кто-то довольно грузный шумно протопал мимо Сергея, послышался звук сдвигаемой мебели, спустя несколько секунд зажурчала вода, наливаемая, судя по звуку, в стеклянную банку. Громко зашумел, загудел какой-то прибор, через минуту послышалось бульканье воды.

«Бурбулятор!» – догадался Серега, услышав знакомые звуки.

– Вставай! – негромко скомандовал ему невидимый хозяин подвала. Пленник мотнул головой, постучал ногами по полу, показывая, что они связаны. Звуки шагов отдалились, почти сразу вернулись обратно.

Мужчина почувствовал, как что-то потянуло его ноги, потом отпустило... Пленник вновь подтянул под себя затекшие ноги, попробовал встать. Но одеревеневшее тело не хотело подчиняться, внезапной острой болью отозвался затылок. Серега стал заваливаться на бок, ему пришлось подогнуть колени, чтобы не свалиться, как куль, на бок, а медленно опуститься на пятую точку.

Невидимый владелец бетонной комнаты протиснул между рук пленника что-то холодное и узкое, потянул это «что-то» на себя. Человек почувствовал, что руки у него тоже свободны.

Он дотянулся до лица, потянул непослушными руками матерчатую ленту, стягивающую глаза...

Яркая лампочка предупреждающе резанула пленника по глазам, он благоразумно прикрыл их. Сквозь приоткрытые веки все окружающее виделось сплошным светлым фоном с редкими цветными и темными пятнами. Одно из таких пятен пришло в движение, остановилось напротив лица Сергея.

– Жрать будешь? – грубо поинтересовалось пятно.

Мужчина немного подумал и утвердительно качнул головой. Размытая цветная клякса колыхнулась, отдалилась... Послышался шорох сдираемой пластиковой обертки; раздраженно зашипела китайская лапша, заливаемая кипятком.

Пятно напротив постепенно приобрело очертания тела человека, мужчины, кисти рук – утраченную чувствительность.

Пленник несколько раз попробовал сжать и разжать кулаки, с третьей или четвертой попытки ему это удалось. Преодолевая накотившую тошноту, он осторожно повертел головой, выискивая, на что можно было бы сесть или поставить тарелочку.

Заметил, что почти рядом, около стены, под длинной круглой трубой, выполнявшей здесь функции нагревательного прибора, валяются перевернутые ящики – в таких приезжие узбеки и таджики на Хилокском рынке в конце лета и осенью продают дешевые овощи и фрукты. Сергей нагнулся, рукой подтащил одну из коробок поближе к себе...

Цветная клякса наконец приобрела очертания высокого, мускулистого, изрядно жирного субъекта лет примерно тридцати. Мужчина одет был в темно-синие спортивные брюки, черную кожаную жилетку и светлые, с синими полосками, кроссовки. Ходил он, немного сутулясь, мощные руки-клешни, слегка расставленные в стороны, создавали впечатление, что этот человек все время кого-то ловит.

«Борец!» – безошибочно определил Сергей спортивную специализацию своего пленителя. Он мимолетно глянул на уши борца, чтобы определить, каким видом единоборства тот занимался. Уши у толстяка были заметно помяты, кое-где надломлены. «Вольник! Или “классик”!» – определил он.

Здоровяк кончиками пальцев зацепил белый пластмассовый прямоугольник, снял его, удовлетворенно хмыкнул, глянув на содержимое пенопластовой тарелочки. Он достал из пакета одноразовую пластмассовую вилочку, вынул несколько кусочков порезанного белого хлеба.

– Ешь! – буркнул он, на пару сантиметров пододвинув к Сереге пластмассовую емкость с китайской лапшой.

...Закончив есть, пленник вопросительно посмотрел на здоровяка. Тот понял невысказанный Серегин вопрос по-своему. Вернулся к столику, вновь опустил в полупустую банку самодельный бульбулятор. Примерно через пару минут он выдернул из розетки вилку, прямо из пакета натрусил в банку заварки.

Прикрыл банку кусочком белой пластмассы от китайской лапши...

...Серега не без удовольствия допил светло-коричневый, с красноватым отливом, чай, снизу вверх оценивающе глянул на здоровяка.

Толстая цепь на шее, минимум интеллекта. Типичный «бык», или «пехотинец». Понятно, что он – только исполнитель, пешка в чужих руках. Не он принимает здесь решения, не ему определять судьбу пленника. Сказали накормить – накормил, скажут прикончить – убьет не задумываясь. Спорить с таким или тем паче о чем-то просить – себе во вред. Не ровен час,

озверевает от непонятного поведения, намнет бока, а то и обратно свяжет по рукам и ногам. «Нет, – решил Серега, – в этом быке зверя будить не стоит!»

Он еще раз осмотрелся по сторонам, только сейчас заметил некое подобие топчана – несколько ящиков из-под водки, прикрытых сверху какими-то тряпками. Он сделал пару шагов к «кровати», оглянулся на борца. Тот молча, с невозмутимым лицом наблюдал за его передвижениями по бетонной коробке. Сергей присел на краешек топчана, потом прислушался к ощущениям внутри себя, еще немного подумал и прилег на тряпки, за неимением подушки подложив под голову скрученную в комок куртку.

Здоровяк пошел к двери, достал из цветного пакета несколько белых коробочек с китайской пищей. Он бросил их на пол, пенопластовые тарелочки с треском попадали на бетонный пол, разлетелись в стороны.

– Это тебе! – невозмутимо пояснил борец. Подошел к двери, несильно пнул ногой по мятому железному ведру, стоящему у входа. – Это твой туалет! Сюда можешь поссать! А если будешь срать, закрывай все тряпкой, а то от вони сдохнешь!

Он лязгнул дверью, послышалось скрипение ключа, проворачиваемого в замке, шаги вверх по лестнице.

Серега лег на спину, закинул руки за голову. Боль в затылке слегка ослабла, навалилась сонливость. Через несколько минут он незаметно для себя уснул, не подозревая, что за ним неустанно наблюдают из комнаты наверху – по монитору, через хитро спрятанную в стене камеру.

Во сне он повернулся на бок, боль в травмированной части головы стала еще меньше, а сон – глубже...

...Серега Быков по жизни был тренером.

Родился и вырос он в отдаленной алтайской деревушке, черными родинками изб изогнувшейся вдоль пологих берегов речки Хмелевки.

Обычно с утра Серега на пару с младшей сестрой Ольгой отправлялись в школу-восьмилетку, где после окончания уроков всех школьников оставляли в группу продленного дня.

Всех детей в восьмилетке кормили завтраками и обедами за счет колхоза, ежемесячная плата за ежедневное двухразовое питание одного ребенка составляла даже по советским меркам небольшую сумму – всего-навсего три рубля.

Родителей деревенских оболтусов, занятых на работе от темна до темна, вполне устраивало, что их чада заняты учебой, а не болтаются по всей деревне без пригляда. Правда, самих чад группа продленного дня откровенно не вдохновляла.

Верховодили в Серегинном классе мальчишки-переростки, по три-четыре года просидевшие в одном классе. Их почему-то не исключали из школы, как того требовал элементарный здравый смысл, а тянули из класса в класс, чтобы выпустить, в конце концов, со свидетельством о минимальном образовании, дающем право на получение рабочей профессии. Слово «дисциплина» переросткам было так же чуждо, как хромо́й лошади – ипподром. Гам в кабинете стоял такой, что ни о какой нормальной подготовке к урокам и речи не могло быть. Серега тихо возненавидел группу продленного дня всего через месяц непрерывного «кипения» в этом аду.

Но главной причиной нелюбви к продленным дням были, конечно же, одноклассники-второгодники.

Родился Сережка вполне здоровеньким, но в детстве, либо по недогляду матери-одиночки, либо по злой иронии судьбы, он сильно заболел и едва не умер.

Бесконечные рвота и понос продолжались почти месяц, недуг до костей иссушил его худенькое тельце, он уже ничего не ел, отказывался даже пить.

«Ну вот и все! Он уже празднует!» – «порадовала» соседка, заглянув в дом к его тоже сильно похудевшей матери.

Но Сережка каким-то чудом выжил. На третий или четвертый день добровольной «голодовки» он неожиданно для потерявшей всякую надежду матери попил из бутылочки сладкой водички. Потом – еще... Еще через день стал понемногу пить молоко...

Видно, воля Всевышнего и тяга к жизни оказались все же посильнее обстоятельств...

Сергей выжил, но здоровье длительная болезнь и вынужденное голодание подорвали основательно. Серега медленно рос, заметно отставал в физическом развитии от своих ровесников.

Однажды летом мать выбила две путевки в пионерский лагерь – для Сереги и его сестры Ольги, которая была младше его на два года.

В пионерском лагере царили те же законы, что и в школе, – сильный бьет слабого, а стайка мальчишек всегда сильнее одного или двух сверстников. Но здесь было хоть какое-то подобие справедливости. В отряде все были одного возраста. То есть силы все равно более-менее у всех были равны. Если дрались – то один на один, а после рукопашной можно было вновь стать друзьями: здесь уважали только тех, кто мог постоять за себя.

Именно в пионерском лагере Серега впервые увидел «живого» тренера. Александр Александрович – так звали бывшего солдата, молодого спортсмена, организовавшего все спортивные мероприятия в лагере. Он умел все: играть в футбол, волейбол, бегать, высоко и далеко прыгать в большую песочную яму, большим блестящим секундомером засекал время, за которое пацаны пробегали тридцать или шестьдесят метров.

Авторитетом он обладал непререкаемым. Толпы мальчишек чуть ли не круглые сутки повсюду сопровождали его. Сан Саныч в глазах Сергея был идолом, почти богом. Стать таким же, как он, десятилетний деревенский мальчишка даже не мечтал.

В сельской восьмилетней школе очень долго не было ни учителя физкультуры, ни тренера. Физическое воспитание вели все преподаватели, по очереди. Они вытаскивали из раздевалки два или три мата, и дети весь урок по очереди кувыркались на них.

Кувыркался с тех пор Серега хорошо.

Единственной отдушиной для его растущего организма стали игры «в индейцев».

У Сереги лучше всего получалось метать топоры. Заостренная с одного конца железка очень напоминала индейские томагавки. Деревенские мальчишки еще не знали тогда, что именно от русских переселенцев в Америку попал топорик, который воинственные аборигены заокеанского континента приспособили для войны, но сходство домашнего инструмента с заокеанским оружием имело место быть. Они как могли переделывали найденные дома небольшие топоры по киношному образцу, за сарайкой, по очереди без усталости метали самодельные томагавки и ножи в толстую доску, прислоненную к деревянному срубу...

Метать топоры у Сереги получалось лучше всех.

...Как-то осенью мама получила письмо от тети Нади – своей родной сестры. Мать и отчим Сереги на зимних каникулах куда-то уехали.

Их не было дней пять.

Вернувшиеся родители объявили: весной переезжаем в Кольвань – рабочий поселок рядом с Новосибирском.

В Кольванской школе царили те же порядки, что и везде: прав тот, у кого больше кулаки. Опять начались бесконечные разбитые носы и кровоточащие губы. На новичка, не имевшего еще ни друзей, ни просто знакомых, почему-то «положили глаз» подгорские – дети деревенских пьяниц, жившие недалеко от райцентра, под горой, в деревеньке Подгорное. Они быстро вычислили нехитрый Серегин маршрут в школу, всякий раз встречали его так, чтобы никто из посторонних не мог их видеть, и вдвоем-втроем быстро разбивали ему лицо в кровь. После чего, довольные, они подхватывали свои истерзанные портфели и быстро исчезали в подворотне, оставив жертву вытирать кровь, застегивать одежду, подбирать оторванные пуговицы.

Только спустя годы, повзрослев, став преподавателем, тренером, Сергей понял, почему именно его с пугающей регулярностью волтузили дебилы дети деревенских алкоголиков: из-за безнаказанности. За любого местного мальчишку тут же вступились бы их друзья, старшие братья, знакомые... Серега был приезжим, его просто некому было защитить, а сам он по хилости своего здоровья и слабости духа сделать это самостоятельно просто пока не мог.

Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая жизнь тощего подростка, не попадись он на глаза своему соседу – мастеру спорта СССР по самбо Певзнеру. Михаил Файвович, когда однажды к нему обратился Серега с просьбой взять в секцию борьбы, ответил просто: «Приходи! Занятия начинаются второго октября».

На первую тренировку собрались около ста парней и подростков. Целых два часа они непрерывно бегали, прыгали, кувыркались... И, к разочарованию Сереги, не изучили не одного «приемчика».

Наутро все тело у Сереги болело так, словно он попал под лошадь и эта коняга нещадно его потоптала. На вопрос, почему болят все мышцы, его стокилограммовый сосед только хитро улыбнулся, сказал: «Терпи! Скоро пройдет!» и невесомой походкой скользнул по ступеням в свою квартиру на втором этаже.

На второй тренировке мышцы болели просто невыносимо. Слезы наворачивались на Серегины глаза, но он твердо решил не сдаваться, не бросать занятия и терпел, плотно сжав зубы.

На третьей тренировке мускулы болели уже поменьше, а к четвертой боль в мышцах прошла почти полностью...

Первые приемы Михаил Файвович показал двадцати оставшимся к этому времени парням только в декабре. По его команде они с парнями разложили два десятка матов в ровный квадрат, затянули их поверху большим куском плотной материи – «покрышкой».

К весне Серега заметно окреп, стал намного сильнее физически. Ежедневные тренировки вкупе с утренней зарядкой стали приносить первые плоды: Серега победил на первенстве школы по отжиманию от пола, совсем немного опередив своего друга и бессменного партнера по занятиям самбо, одноклассника Сергея Горбунова.

Впервые проявилась и спортивная одаренность выходца с Алтая. На ковре, в тренировочных поединках – спаррингах, он стал регулярно побеждать учащихся из техникума, ребят постарше и посильнее его. Выигрывать за счет лучшего владения всего несколькими приемами, в частности болевыми. Для фиксации навыка ему требовалось немного меньше повторений упражнения, чем кому-либо: он учился новым приемам просто быстрее, чем его противники. Не так быстро, как его одноклассник Горбунов, который был прямо-таки создан для борьбы – невысокий, крепкий, с мощным торсом и сильными руками и ногами, но все же...

Как-то весной подгорские, ничего не знавшие о переменах в жизни Сереги, по старой привычке решили отмудохать безответного паренька. Сергей, никогда не менявший маршрута, догадывался, что рано или поздно такой стычки не избежать. Он спокойно бросил на снег папку (портфели не любил), снял и положил рядом болоньевую куртку.

Не используя приемов самообороны (подтаявший снег – не самая лучшая опора для выполнения бросков!), он так накомстылял всем троим своим обидчикам, что те больше никогда даже не попадались ему на глаза.

Потом было еще несколько драк, в том числе и с ребятами постарше и посильнее. Сергей никогда не провоцировал драку, но, если видел, что ситуация безвыходная, противник обязательно хочет подраться, от столкновения не уходил. Он тоже получал удары, ему разбивали лицо, но тот, кто навязал ему такой способ решения конфликтной ситуации, неизменно страдал больше. И уж точно больше никогда не искал конфликта с неуступчивым самбистом.

Весной, на одном из уроков, Серега неожиданно выиграл кросс на пятьсот метров. Еще год назад он замыкал большую группу одноклассников, примчавшихся к финишу полукилометровой дистанции раньше него, и вдруг – не просто победа, но и очень неплохой результат.

Учитель не поверил в то, что самый слабый в прошлом году ученик способен на такое – наверняка где-то срезал кроссовую дистанцию. На следующем уроке он вновь заставил «самбиста» пробежать пятьсот метров, но уже на стадионе. Серега пробежал один, показал результат всего на половину секунды хуже. Физрук несколько раз проверял секундомер, не сломалась ли пружина у измерительного прибора, на всякий случай проверил хронометр по своим часам с секундной стрелкой...

...А осенью вновь вмешалась Судьба. В Кольвань приехал и стал работать тренером по легкой атлетике Николай Платонович Свистунов. Заметно вытянувшийся и загоревший за лето Серега заниматься в каникулы не бросал, самостоятельно бегал кроссы по крутым горкам вокруг старинного сибирского села. Его упорство не осталось незамеченным приезжим тренером. Он предложил молодому борцу позаниматься легкой атлетикой – пока не работает секция Михаила Файвовича.

Серега согласился.

Всего через месяц тренировок он стал чемпионом школы по кроссу на километровой дистанции. Еще не понимая степень своего спортивного дарования, он спокойно, даже равнодушно выслушал слова наставника, что ему нужно заниматься не борьбой, а бегом. Будут и победы, и не только на школьных соревнованиях.

...Приезжий наставник не обманул, все сбылось так, как он и обещал: через два года, также в конце сентября, в столице Адыгеи – Майкопе, он впервые выиграл всероссийские состязания среди сельских спортсменов – по кроссу.

Бесчисленные изматывающие тренировки дали Сереге не только результаты и победы. В спортивной школе он обрел настоящих друзей, подлинных, на всю жизнь.

А еще он определился с выбором профессии. Он решил стать тренером. Таким, как Николай Платонович и Михаил Файвович.

Четыре институтских года пролетели быстро. Сергей вернулся в ставший родным поселок уже женатым. Он был полон энергии и новых идей. Не сразу, не в первый год у него стало получаться то, ради чего он четыре года «грыз гранит знаний» в вузе. Но новоиспеченный тренер и преподаватель настойчиво искал ошибки в своей работе, долго и упорно работал над их искоренением.

Секрет успешной работы тренера открылся ему не сразу. А когда это произошло, работа с детьми и подростками стала приносить ему не просто результаты или моральное удовлетворение – она стала доставлять наслаждение...

Но потом закончилась перестройка, и пришел капитализм – «дикий», как его потом называли – с гиперинфляцией и бандитами в черных «мерседесах».

Серега долго не хотел принимать новые жизненные реалии, с удивлением смотрел, как прямо на глазах тает его неплохая в общем-то по обычным меркам, зарплата. Преподаватели физвоспитания в советской школе были, как правило, самыми высокооплачиваемыми учителями. Им не нужно было писать длинных поурочных планов, не было необходимости проверять толстые стопки тетрадей с контрольными и проверочными работами. Директора школ, как правило, дефицитного мужика в школе ценили, на нагрузку, а значит, на зарплату – не скупилась. Денег, конечно, всегда не хватало, но летом, во время длинного, почти двухмесячного отпуска можно было подкалымить на стройке, поработать в пионерском лагере, наибо-

лее искушенные физруки брали отпуск в сентябре, работали на комбайне или отправлялись в тайгу, на заготовку орехов и ягод. И это тоже давало солидный приварок к семейному бюджету.

Физруки были фундаментом, на котором стояла поражающая своими успехами весь мир «советская спортивная машина». Они находились в самом низу спортивной «пирамиды». Именно учителя физкультуры ежегодно перелопачивали горы человеческой «руды», отсматривали миллионы новых мальчишек и девчонок, помогали им сделать первый шаг в мир спорта. С такой титанической задачей в одиночку не справились бы ни легендарный волейбольный наставник Николай Карполь, ни великий баскетбольный тренер Александр Гомельский...

Но потом все рухнуло. Нищенские постперестроечные «лимоны» не давали возможности не только развиваться семье, они просто уничтожали все живое, как напалим в джунглях Вьетнама.

Теперь каждый крутился как мог.

Сергея ушел в коммерцию. Покупал, продавал, снова покупал и снова продавал... По случаю купил довольно резвую «шестерку». Спать ложился в полночь, а в четыре утра снова был на ногах – иначе было просто не успеть. Дела его быстро пошли в гору.

Все рухнуло в один день.

Ограбили, едва не убили жену, при которой находились почти все Сереговы накопления, но хуже того – кредит, за пару дней до этого взятый в банке «под честное слово».

Пришлось продать машину, квартиру обменять на убитую «копейку», а самим переехать в другой дом, да еще и достраивать его.

Но судьба вновь улыбнулась Сергею – в последний раз. Его пригласил на работу к себе один из сверстников, «поднявшийся» на поставках топлива. Работал Сергей, как всегда, с полной отдачей, придумал несколько удачных взаимозачетных схем. Но неумение промолчать там, где это было нужно, лишило и этой, последней для него более-менее прибыльной работы.

Сергей не сдался. Он попробовал работать самостоятельно.

Его новый партнер, хитрый еврей с фамилией великого русского борца, долго оттягивал расчет за проделанную работу; всякий раз, когда Сергей напоминал о себе, у него находилась масса уважительных причин не платить по договору. В конце концов терпение у бывшего физрука стало заканчиваться, он как бы между прочим намекнул пузатому жиду, что «есть структуры, которые занимаются выколачиванием долгов». «Партнер» лишь ухмыльнулся и ответил, что в тех же структурах «решить вопрос окончательно» стоит в пять раз дешевле, чем составляет сумма долга по договору.

– А у тебя ведь семья, дети! Подумай о них! – добавил он, по-доброму, совершенно беззлобно посмотрев в глаза Сергею.

От такой «доброты» у Сергеи по спине побежали мурашки.

Он хорошенько подумал и решил судьбу больше не искушать, справедливо рассудив, что бизнес – это не только работа, а что-то такое, что сродни настоящему искусству: чтобы преуспеть, мало знаний и безмерного трудолюбия, нужен талант. А еще – хватка, то есть умение вцепиться, как клещами, в аппетитный кусок, неважно – твой он или чей-то чужой, и не отпускать его, пока кусок полностью не окажется у того, у кого больше пасть, или у того, кто покрепче ухватился.

Бывший физрук не чувствовал в себе никаких бизнес-талантов, он твердо решил вернуться на привычную стезю. Он устроился на работу по специальности, перестал беспокоиться по поводу потерянных денег и расколотенной автомашины.

...После той истории прошло несколько лет. Разочарования за собственные промахи поутихли. Серегина жена, устав от Серегиней неспособности содержать семью, попросту оставила его, переехала в Новосибирск, жила с детьми в общежитии. Сам Сергей переехал в город тоже, нашел работенку, позволявшую платить за квартиру и кое-как сводить концы с концами.

В один из весенних дней ему неожиданно позвонил «старый друг» Слемзон, пригласил в гости в Красноярск. Быков немного подумал и решил поехать.

«Друг» встретил Серегу в хорошем настроении. Он дождался гостя на железнодорожном вокзале, посадил в «жигули», сразу повез на набережную Енисея – любимое место Быкова, негромко напевая при этом четверостишие из «Гариков»: «Русское грядущее прекрасно. Путь России – тяжек, но высок. Мы в говне варились не напрасно, жалко, что впитали этот сок!»

Серега, чтобы не портить встречу, сделал вид, что не слышит пения, оскорбительного для русского уха.

Они посидели в уютном кафе на берегу Енисея, поговорили, стараясь не касаться болезненных тем. Но потом разговор все же незаметно перетек в деловое русло.

За пять с лишним лет, прошедших с того момента, когда они виделись в последний раз, Слемзон совершенно не изменился. Все та же риторика пятилетней давности: «откусить кусок» от «поезда застоя», «отрезать», «отпилить»...

«Неужели он не понимает, не видит, – думал Сергей, – что все уже откушено, поделено и попилено, причем – некоторые вагоны застоя – многократно? Если не понимает, не видит, тогда какой из него, к черту, бизнесмен? А если все понимает, но мне говорит так, как и семь лет назад, значит, надеется вновь втянуть меня в какую-нибудь авантюру?»

Он сидел в прибрежном кафе, вполуха слушал бесконечный словесный поток Слемзона, а сам при этом думал, как бы повежливее распрощаться со «старым другом», чтобы сегодня же отправиться обратно в Новосибирск.

Он живо представил, как «друг», по своему обыкновению, затянет разговор далеко за полночь. После чего, «измочалив» гостя «марафонскими» разговорами, постарается добиться от Сереги какого-то обещания.

Какого – этого Серега не знает. И не узнает до самого последнего момента – такова была обычная тактика «друга» при подобных беседах до утра. Очень неглупый, очень опытный (прожженный) в таких делах человек, прошедший и тюрьму, и лагеря, он точно знал, как выстроить многочасовой разговор, чтобы в самом конце, под утро или уже утром, когда «клиент дозрел» и безумно хочет спать, задать один-единственный, но самый важный, тщательно скрываемый до часа икс вопрос, чтобы получить нужный ответ.

Нужный, разумеется, ему.

А как потом добиться того, чтобы человек сдерживал обещание, данное в состоянии сильнейшей усталости – физической и моральной, для него было уже только «делом техники».

Быкова спас звонок Игоря Гасюка. Старый друг звонил просто так, узнавал, как у него дела, нет ли чего нового.

Однако Серега ухватился за этот звонок, словно утопающий – за соломинку, отвечал односложно, туманно говорил о каком-то забытом обещании, сказал только, что сейчас в Красноярске по делам, но завтра, когда приедет, обязательно позвонит.

Расставался Слемзон с Сергеем без видимого сожаления – наверное, уловил-таки легкую фальшь в его телефонном разговоре. Быков сразу после разговора объявил, что вечером ему нужно ехать обратно; в планы «друга» такой расклад, скорее всего, не входил, его новое предложение требовало длительного «раскачивания» собеседника; он перевел разговор на абсолютно далекую от бизнеса тему...

На вокзал Серега поехал один. Слемзон холодно попрощался, уехал, сославшись на какие-то неотложные дела.

Быкова не сильно это и огорчило, скорее наоборот.

В поезде вскоре после Ачинска к нему в купе осторожно постучала проводница.

– Девочку не желаете? – с улыбкой поинтересовалась она. Быков вежливо отказался, сославшись на ограниченность в средствах, – этот аргумент в таких случаях всегда действовал безотказно. Он немного подумал и попросил принести чаю – двойного, с двойным сахаром.

Проводница не обиделась, как должное восприняла как его отказ от девочки, так и просьбу о чае.

Чай в ажурном посеребренном подстаканнике она принесла минут через пять...

...Поезд лязгнул сцепками на переезде, вагон заметно дернулся, его качнуло. Серега повернулся, его голова сползла с подушки. На следующем стыке его голова больно ударилась о стенку вагона. Он проснулся. Пошарил мутным взглядом по стенам купе, по окну, рассеянно глянул на часы. Он спал меньше двух часов. До Новосибирска оставалось ходу еще часа три. Он еще раз повернулся, закрыл глаза, попробовал уснуть. Но в голову опять полезли мысли – те самые, которые не давали заснуть ему почти до самого утра...

...На Центральном вокзале Новосибирска он сошел, злой и уставший, не выспавшийся после, по сути, двух бессонных ночей: одной – по дороге в Красноярск, и другой – обратно. Поэтому он даже не стал торговаться, когда какой-то пронырливый малый с колючим взглядом предложил отвезти его на Северо-Чемской «всего» за пятьсот рублей, – так сильно он хотел добраться до квартиры, принять душ и завалиться, наконец, спать.

Ровно в восемь вечера Гасюк набрал телефонный номер, который он переписал с листочка на съемной квартире Быкова.

– Общежитие! – после третьего или четвертого звонка ответил приятный женский голос.

– Простите за беспокойство, я могу услышать Марину?

– Я слушаю вас!

– Марина, вы – жена Сергея Быкова?

– Ну... В общем-то – да! Мы пока не разведены, но вместе не живем уже давно. А что, что-то случилось?

– Это Игорь Гасюк! – наконец представился он.

– А-а! Привет, Игорек! А я не узнала тебя. Богатым будешь! Так что случилось-то?

– Да не знаю пока. Сергей уехал в Красноярск. Должен был приехать еще позавчера. Обещал позвонить, как приедет. Но не позвонил. Нигде не могу его найти. Не знаю, может, он задержался в Красноярске по каким-то причинам... Вы случайно не знаете, к кому он мог поехать?

– Случайно – знаю!

– И к кому?

– Его зовут Александр, а фамилия у него – Слемзон!

– Как? – переспросил Игорь.

– Слем-зон! – по буквам четко проговорила она. – Но адреса или телефона у меня нет. Вся информация хранилась у Сергея в записной книжке и в сотовом телефоне.

– Кто-то может знать телефон этого Слемзона?

– Знаешь... Кажется, у матери Сергея должны были остаться его старые записные книжки. В них наверняка есть телефон этого Слемзона.

– Спасибо!

– Да не за что! Да, кстати! Когда выяснишь, в чем дело, дай мне знать, пожалуйста, тоже! Хорошо?

– Договорились!

...Наутро, часов около семи, Игорь подрулил к дому, в котором жила Серегина мать – Людмила Павловна. На пенсию «по выслуге» она вышла давно, жила одна. Вставала она рано, потому как имела большое хозяйство – корову, телят, свиней, кур... Без подспорья, на одну пенсию, что в городе, что на селе прожить очень сложно. Людмила Павловна, несмотря на

возраст, отличалась поразительной работоспособностью, практически одна тянула на себе весь воз хлопот по хозяйству.

Днем она могла куда-то уйти, например на сельский базарчик или к мосту через реку Чаус. За мостом она, совместно с такими же старушками, продавала городским дачникам, проезжавшим через Колывань, свежайшее утреннее молоко и абсолютно экологически чистые, домашнего приготовления творог и сметану. У нее уже много лет были свои, постоянные покупатели, которые с удовольствием приобретали молочные продукты только у нее.

Перехватить ее утром, когда она еще не угнала корову в стадо, – это был самый оптимальный способ быстро найти дома эту шустрю бабушку.

– Здравствуй, Игорь! – сразу узнала его Людмила Павловна, выглянувшая на крыльцо после того, как загавкал кудрявый пес – потомок терьера и дворняги. Она много лет проработала в одном коллективе с матерью Гасюка, хорошо знала и его самого – через сына, с которым Игорь много лет вместе занимался бегом в спортивной школе. – А Сереги дома нет! Он в Красноярск уехал! Обещал приехать еще вчера. Не приехал. Опять, наверное, на полгода там пропал... Подлюга! Никак не хочет о семье заботиться! – Она сердито загремела подойником, откликаясь на мычание коровы, услышавшей голос хозяйки.

– Людмила Павловна! – осторожно начал Гасюк. – У вас не сохранилось каких-нибудь старых записных книжек Сергея?

– А что? Что-то случилось?

– Нет, пока все нормально. Надо человека одного найти в Красноярске. Его телефон или адрес могут быть в какой-то из записных книжек Сергея!

Людмила Павловна пристально глянула на Игоря. Она поставила блестящий подойник на крыльцо, ненадолго скрылась на веранде. Через минуту или две она вернулась обратно и положила на крыльцо перед Гасюком большую картонную коробку, до краев заполненную какими-то тетрадами, бумагами, журналами...

– На! Посмотри сам! – сказала она Игорю. – Есть какие-то записные книжки; они здесь, в этой коробке. Но мне искать некогда, нужно корову доить, гнать в стадо!

Она подхватила подойник и со скоростью, которую невозможно было ожидать от такого пожилого человека, умчалась за угол дома – туда, откуда все настойчивей доносился призыв коровы, страдающей от набухшего за ночь полного вымени молока.

...Когда мать Сергея вернулась обратно, с подойником, почти до краев заполненным парным молоком, Игорь уже нашел, что искал. Он забрал с собой густо исписанную книжечку с размочаленным переплетом, хотел унести обратно коробку, но Людмила Павловна остановила его, сказала, что управится сама.

Мужчина, довольный тем, что не зря заехал к матери Быкова, помчался в город, решив уже в конторе, на работе, более детально разобраться в телефонах и адресах, найденных им в записной книжке старого друга.

Шеф появился в офисе, как всегда, ровно в восемь утра. Вместе с привычной коричневой папкой он принес на плече и аккуратно положил в кресло небольшую круглую матерчатую сумку с множеством кармашков и замочков. Внутри сумки обнаружилась небольшая цифровая видеокамера.

– Поедем вдвоем. Оператора нет. Так что учись работать с камерой! – сказал он слегка опешившему от предложения Игорю. Однако Гасюк промолчал. Научиться снимать камерой было его давнишней мечтой. Он с любопытством повертел в руках заморскую игрушку, прищурившись, вчитывался в крохотные надписи на английском над многочисленными кнопочками...

Он осторожно положил камеру на стол, вынул из сумки маленькую книжицу с многочисленными картинками и схемами видеокамеры. Нашлась среди них и инструкция на русском языке, чему Гасюк очень обрадовался: шеф опять куда-то укатил, а лишний раз просить

о помощи, отвлекая от работы Александра Федоровича, имевшего за плечами, кроме всего прочего, еще и опыт создания документальных и игровых фильмов, очень не хотелось. Косенков, конечно, не отказал бы в консультации помощнику генерального директора, но потом, вечером, ему пришлось бы работать допоздна, наверстывая время, упущенное на внеплановые объяснения и консультации. Игорь этого позволить себе не мог: к чужому времени, равно как и к своему, он относился уважительно.

...Минут через тридцать Гасюк вполне уже разобрался в некоторых основных функциях японского агрегата. Он уверенно работал трансфокатором, включал и выключал запись, научился просматривать на экранчике только что отснятый материал.

Теперь Игорь мог заняться, наконец, записной книжкой Быкова.

Искать нужный контактный телефон долго не пришлось: на оборотной стороне твердой обложки красовалась надпись, выведенная рукой бывшего физрука: «Слемзон», и стоял номер телефона, начинавшийся с двух цифр, которых не было в номерах Новосибирской АТС, – пятьдесят пять.

Гасюк набрал код Красноярска, прибавил к нему двойку и номер телефона из книжки Сереги. Длинные гудки на другом конце провода сказали, что дома или в офисе никого нет. Потом сработал автоответчик...

– Ал-ле! – приятным голосом неожиданно отозвался незнакомый мужчина.

– Александр Александрович?

– Да, я!

– Вам звонит Игорь Гасюк, из Новосибирска. У вас несколько дней назад должен был побывать в гостях Сергей Быков...

– Да, был такой... а что случилось?

– Кажется, он не приехал в Новосибирск. Обещал отзвониться, когда приедет, но пока – ни звука. Вы не знаете, где он может быть?

– От меня он поехал на железнодорожный вокзал. Но уехал или нет на поезде – я не знаю. Давайте я сегодня уточню, а завтра перезвоню вам сам. По этому же телефону, с которого вы звоните, хорошо?

– Хорошо! Но мы завтра уезжаем в Енисейск. Какое-то время будем находиться вне зоны работы телефона...

– Ничего страшного. Как я только узнаю, я вам обязательно дозвонюсь! Вы же все равно будете проезжать через Красноярск, а здесь сотовые телефоны, в том числе и ваш, работают. Только не забудьте включить роуминг...

...Сергея Быков проснулся от холода. Он повернулся на топчане, присел, осторожно потрогал засохший комок крови у себя на затылке. Голова саднила, сильно «тянули» слипшиеся волосы. Бывший физрук стал, набрал в пустую стеклянную банку воды из крана, осторожно, включил самодельный кипятильник из лезвий бритвы – так называемый бульбулятор. Пока грелась вода, он снял с себя рубашку и майку, аккуратно разорвал нижнее белье на несколько длинных частей. Намочил кипятком один из кусков, подождал, когда вода немного остынет. Все еще горячим куском майки он приложился к затылку.

Сразу стало очень больно. Но терпимо.

Быков проделал эту процедуру еще несколько раз – до тех пор, пока полностью не размочил кровавую бляшку на затылке. Затем он, предварительно тщательно вымыв руки, потихоньку, по маленькому кусочку вытащил частички крови из собственных волос.

Оставшуюся часть майки он тюрбаном обмотал вокруг головы.

Засосало в желудке. Сергей еще раз подогрел бульбулятором воду в банке, кипятком залил одну из китайских пластиковых тарелочек, «любезно» оставленных толстым борцом.

– Да... – удовлетворенно сказал он себе, полностью опустошив неглубокую белую емкость. – Жить стало лучше. Жить стало веселее!

Он лег на топчан, закрыл глаза, попытался уснуть...

Раним утром, едва красноватый диск солнца показался над горизонтом, Игорь с шефом уже проезжали мимо Гусинки – самого большого контейнерного рынка Сибири конца девяностых; местного Черкизона.

Новосибирск – большой город. Очень многие люди здесь встают задолго до рассвета: нужно успеть развести товар по торговым точкам, успеть на барахолку за новым... Несмотря на раннее утро – половина шестого утра, – жизнь здесь кипела уже вовсю. Подъезжали и уезжали оптовики со всех концов Сибири, шныряли самые хитрые или просто небогатые покупатели, которые знали: утром, во время начала работы оптовых рядов, самые низкие цены. Горланили многочисленные цыгане, прочно оккупировавшие вход со своими шубами и куртками. Не было пока только лохотронщиков, уже много лет промышляющих здесь «игрой» под незамысловатым названием «Вы выиграли приз от ЦУМа», и карманников, умело создающих затор в движении на выходе и на входе в барахолку. И те и другие подтянутся попозже, к самому наплыву покупателей – в мутной воде рыбку ловить сподручнее всего.

Вообще-то эта дорога вела в Ленинск-Кузнецк, Новокузнецк, Белово... Об изменении маршрута Гасюк узнал только вчера вечером; как оказалось, у Николая неожиданно появилось в Кузнецке одно небольшое, но срочное дело, которое по телефону – не решить, надо ехать и договариваться лично. Крюк, конечно, получался немалый, но кто спрашивал Игоря, хочет ли он ехать в воспетый великим пролетарским поэтом Владимиром Маяковским город или нет?

В Енисейск Игорь с шефом добрались только к середине следующего дня, в пути переночевав в мотеле.

В Енисейске шеф пробыл всего половину дня и, удачно закончив со всеми делами, немедленно засобирался в обратный путь... Однако спустя какое-то время Николай, немного подумав, неожиданно предложил заночевать в старинном сибирском городке, чтобы завтра, выехав с утра пораньше, уже к вечеру вернуться обратно в Новосибирск.

Игорь согласился.

Дневная жара спала, однако в гостинице все еще оставалось слишком душно. Мужчина убедился, что из-за духоты в номере не уснет, решил освежиться. Он натянул на себя спортивный костюм, вышел на набережную Енисея, благо гостиница располагалась на берегу реки.

Красноватое овальное солнце садилось прямо в Енисей, широченной блестящей лентой ускользающей далеко за горизонт. Игорь сел на бетонный парапет, свесил ноги над многометровой стеной... Внизу, чуть слышно шурша галькой, прошла молодая парочка. Девушка и юноша прижались к нагретой за день бетонной стене, стали взасос целоваться. Игорь с любопытством взглянул на влюбленных...

Ему стало стыдно оттого, что он нечаянно подсмотрел за чужим счастьем. Между тем молодые люди, совершенно ничего не замечая вокруг, стали раздевать друг друга... Мужчина заметил девичьи трусики, белым бесформенным комочком брошенные на галечник, рубашку парня, смятую под ногами влюбленных... Он осторожно повернулся, слез с каменного барьера и, стараясь не топтать, тихо пошел прочь – в сторону гостиницы.

Спал он плохо.

За окном никак не хотело темнеть, белое небо словно насмехалось над путешественниками, решившими отдохнуть после утомительной и долгой дороги. Под утро жара ушла, и Игорь ненадолго задремал.

...Мерзко запищал у самого уха звонок электронного будильника, сигнализируя о том, что пора вставать, чистить зубы, умываться, пить чай, завтракать...

Мужчина сел на гостиничной кровати, дождался, когда голову покинут липкие паутинки предутреннего сна.

Существовал только один хорошо проверенный способ быстро прийти в боевое состояние – пробежка.

Гасюк натянул трико, кроссовки, выскочил на улицу. Неслышно ступая толстыми подошвами кроссовок по асфальту, он энергично пошел спортивной ходьбой, немного согрелся, перешел на бег. Четыре квартала в одну сторону, столько же – обратно. После интенсивной разминки на берегу Енисея Игорь скинул спортивный костюм, осторожно вошел в воду...

Течение оказалось неожиданно сильным, вода с непривычки довольно ощутимо холодила тело. Но вскоре холод ушел, осталась только бодрость, свежесть, радость...

Глава 3. На дне бетонной тюрьмы

...К утру Серега окончательно одубел от холода. За время, проведенное в подземном склепе, он несколько раз спал, несколько раз ел, два или три раза ходил по нужде. К нему никто не заходил, ни о чем не спрашивал, ничего не объяснял.

Неопределенность стала самым страшным пока испытанием в этой бетонной яме. Размышляя о причинах, из-за которых он мог оказаться в столь неприятных для себя условиях, бывший физрук перебрал в голове десятки, возможно даже сотни, вариантов, выискивая поводы, из-за которых его могли оглушить и на несколько дней изолировать в каком-то подвале.

На трети или на четвертые сутки к нему стала возвращаться память о последних часах и минутах перед тем, как он потерял сознание. Быков вспомнил, как сошел с поезда. Как он поднялся на эстакаду, немного задержался на самом верху, полной грудью вдыхая свежий воздух, давая прохладному ветру остудить его тело, чтобы быстрее ушла сонливость, в теле появилась бодрость, а в мышцах – упругость.

На лестнице, ведущей с переходного моста, от пригородных касс вниз, громко митинговали пенсионеры...

Бывший физрук опустил глаза, поправил на плече сумку, с трудом протиснулся через плотную группу очень небогато одетых людей. Неожиданно подумал, что ведь это именно эти самые бабушки и дедушки, тогда еще молодые, потом – зрелые люди, построили великую страну, разведали месторождения и пробурили нефтяные и газовые скважины, построили алюминиевые и сталелитейные комбинаты... Это они своими руками, своим интеллектом создали то, что потом, спустя всего несколько десятилетий, прибрали к рукам березовские, ходорковские, фридманы, вексельберги, авены, абрамовичи, дерипаски...

...Свернув с лестницы вправо, Серега словно на вилы наткнулся – настолько неприятным показался ему взгляд высокого худощавого темноволосого черноволосого мужчины, лет примерно около тридцати. Однако через секунду впечатление чуточку изменилось, колючки во взгляде почти исчезли; мужчина проявил заинтересованность.

– Куда едем? – стараясь придать голосу как можно больше тепла, поинтересовался он.

– На Северо-Чемской!

– За пятьсот поедешь? – испытующе посмотрел на него черноволосый.

– Поеду! – после недолгого размышления решил Серега, совершенно измученный двумя бессонными ночами и мечтавший сейчас только о двух вещах – теплом душе и мягкой кровати.

Вообще-то максимальная цена, за которую в это время суток можно было увезти местного жителя в этот отдаленный спальный микрорайон, была в два с половиной раза меньше. А если половину пути проехать на метро, то от Студенческой до Чемского вообще можно доехать за сотню. Но на метро нужно выходить на станции пересадки – «Красном проспекте», потом идти по длинющему извивающемуся подземному тоннелю...

А Серега так устал...

Он мельком глянул на желтую, всю в цифрах и шашечках «Волгу», открыл заднюю дверь, положил на сиденье черно-синюю спортивную командировочную сумку, следом, практически засыпая на ходу, забрался сам.

– Куда едем? – Бодрый голос таксиста на секунду вернул его к реальности. Серега назвал адрес, откинулся на мягкий подголовник и почти сразу задремал, уверенный в том, что таксист разбудит его, как только они окажутся у подъезда дома, в котором Серега арендовал квартиру.

...По всему выходило, что чем-то твердым по голове звезданул ему таксист. Или его подручный. Но зачем?

Ответ на этот вопрос никак не давался Быкову.

«Ограбить? – размышлял бывший тренер. – Пара тысяч “деревянных”, схороненных в лопатнике, – не слишком большая добыча, чтобы вот так, среди бела дня похищать человека. Таксист – не наркоман же, в конце концов. Это только они способны за дозу во время ломки даже убить человека».

Пока на ум Сереге приходила только одна подходящая версия – недвижимость.

«Что же будут делать бандиты, когда выяснится, что дом, в котором я прописан, принадлежит не мне? – думал он, размеренно прохаживаясь по тесному помещению из угла в угол, по диагонали. Четыре шага – в одну сторону, поворот, четыре шага – в другую... – Меня, скорее всего, прикокают и закопают где-нибудь, на кладбище, в свежую могилку. Или – в лесополосе, как многих до меня. Значит, мне нужно молчать, что дом – не мой!»

Та-ак... А что тогда дальше? Дальше мне, скорее всего, предложат подписать какие-то бумаги, типа генеральной доверенности, или договор купли-продажи дома. Допустим, я что-то и подпишу... После чего я им тоже – не нужен. В общем, как ни крути, выхода из этого подвала для меня нет. Убьют в любом случае!» – От этой мысли Сереге стало тошно и мерзко.

Умирать не хотелось...

...Неожиданно Серега вздрогнул от мысли, внезапно посетившей его голову. «В одном из рассказов Джека Лондона, – вспомнил он, – поведана необычная история. С индейцами, кстати. Один из европейцев, поляк по национальности, попал в плен к аборигенам Американского континента, но смог избежать ужасных пыток. Он обманул индейского вождя, “скормив” ему байку о собственной неуязвимости, которая появляется, если тело как следует помазать особым снадобьем. “Снадобье”, конечно, он изготовил, намылил им шею. Вождь краснокожих махнул топором так, что одним ударом отсек голову хитрому поляку.

Так... Ну и чем я хуже героя рассказа Джека Лондона? Все равно ведь убьют. Может, самому? Пока еще есть время и возможность? А то ведь пытаться будут – до смерти!» – зло усмехнулся бывший тренер.

Однако умирать все равно не хотелось.

Чтобы хоть как-то избавиться от неприятных мыслей, Серега решил мысленно прокрутить свою жизнь, сделав ей что-то вроде ревизии...

...И выходило, что хорошего и плохого в жизни было примерно поровну. Но в последние годы, вместе с наступлением эпохи дикого капитализма наметилась четкая тенденция: жизнь пошла по наклонной – вниз. Исчезла возможность заниматься любимой работой, по собственной упрямой глупости потерял семью...

«Что дальше? Как жить? И главное – для чего? – думал Быков. – Сегодня, в начале двухтысячных, Россия уверенно занимает первое место в мире по самоубийствам. Многие банально не совпали с новыми реалиями или просто не выдерживают правил и “понятий” новой жизни. Да, самоубийство – тяжкий грех... Но самоубийство – здесь, в подвале, перед лицом неминуемой смерти?.. Что это – грех или слабодушие? Или все-таки оптимальный способ выхода из возникшей ситуации?» – этими мыслями Серега терзался еще часа полтора, но пока так и не пришел к какому-то конечному решению.

...Подъезжая к Красноярску, Игорь еще раз набрал на мобильном телефоне номер Слемзона.

– Абонент временно недоступен! – ответила невидимая женщина.

Игорь разочарованно бросил телефон на свободное сиденье, энергично крутанул руль вправо, направляя машину по объездной дороге.

Николай, изрядно уставший за прошедшие дни и ночью тоже как следует не отдохнувший, еще в Енисейске забрался на заднее сиденье и старался задремать. Он все-таки заметил движение руки Гасюка, бросившей мобильник, поинтересовался:

– Что-то не так?

– Да вот до одного красноярского товарища дозвониться никак не могу. Обещал позвонить, когда будем проезжать мимо...

– И что, срочное дело?

– В общем-то да!

– Может, твой телефон неисправен? Или слабоват? Мощности не хватает? – предположил генеральный. – Знаешь что? – добавил он после небольшой паузы. – На-ка, возьми мой, попробуй дозвониться по нему, вдруг повезет?!

Игорь протянул руку назад, не глядя взял мобильник. Ненадолго отрывая взгляд от дороги, он набрал номер красноярского знакомого Сереги. Телефон долго молчал, а потом неожиданно в нем стали раздаваться длинные гудки.

Гасюк притормозил и свернул на обочину.

– Ал-ле! – раздался в трубке знакомый Игорю мужской голос.

– Здравствуйте! Это Игорь! Друг Сергея! Я звонил вам недавно, спрашивал о нем...

– Да, помню! Я все узнал. Сергей уехал из Красноярска в тот же день, когда мы расстались, – Слемзон назвал дату. – Могу сообщить номер поезда, вагон и даже место, на которое он купил билет. Нужно?

– Да, конечно! Говорите! – ответил Игорь, сам еще пока не понимая, чем ему могут помочь в поисках друга номер вагона и место, на котором он ехал до Новосибирска. Он достал из кармана авторучку и быстренько начиркал на листочке несколько цифр...

– Спасибо! – попрощался Игорь.

– Пожалуйста. До свидания! – ответил ему невидимый собеседник.

«Господь Бог для чего-то же дает нам возможность пожить на этой планете, – думал Серега, закрыв глаза. – Вряд ли Промысл Божий только в том, чтобы мы могли только кушать, спать, размножаться, работать и развлекаться. У каждого из нас в жизни наверняка должна быть какая-то иная, духовная цель, некая, возможно, пока неизвестная нам задача, ради которой Создатель вдохнул нашу душу в наше бренное тело.

Какая жизненная задача была у меня? Был ли я хоть разок на пути, ведущем к реализации цели, для которой Всевышний подарил мне мою жизнь?

Не знаю... Да, наверное, так никогда и не узнаю больше... Жалко, так отца и не повидал... Деда – успел увидеть, нашел его всего за два года до его смерти. Через адресное бюро... Да...»

Серега не без удовольствия принялся вспоминать, как нашел в Барнауле своего родного деда – Павла, которого до этого ни разу не видел – за двадцать два года жизни.

Воевал тот храбро, в разведчиках. Те, кто видел его после войны, вспоминали, что «у Пашки – вся грудь в орденах и медалях!».

После победы над немцами деда с его воинской частью перебросили на Восток. И он еще долгих два года тянул военную лямку. Он опять воевал, на этот раз с японцами. Смог выжить и в этой войне.

Когда его демобилизовали, шел уже сорок седьмой или сорок восьмой год.

Тридцатилетний Павел Васильевич не доехал до родного села несколько километров. В одной из последних перед домом деревень он остановился переночевать. «Доброжелатели» из числа дальних родственников нашептали ему, что у его жены за время войны, год назад,

родился ребенок – мальчик. «Ты же – герой, разведчик! – говорили они. – Неужели бабу себе не найдешь? Мужиков, сам видишь, всех повыбило. Выбирай – кого хочешь!»

И Павел не вернулся домой. Уехал в Барнаул, устроился на работу бухгалтером, женился...

...Они разговаривали тогда всю ночь.

Соревнования потом Серега, конечно, проиграл...

«Да... А вот отца увидеть так и не удалось. Может, жив еще? И ехать-то было недалеко – три или четыре сотни километров. Но... Почему-то не поехал, чего-то побоялся, постеснялся... а теперь уже поздно...

Так для чего же Создатель подарил мне этот мир? – раз за разом задавал себе один и тот же вопрос Серега. – И в чем же была моя жизненная задача? Может, я создан Всевышним для того, чтобы учить детей бегать, прыгать, играть в баскетбол и волейбол? Воспитывать у малышей и у подростков силу духа, стойкость, настойчивость? Не самая плохая жизненная цель, надо сказать.

Не всем дано заработать много денег. Но каждый может сделать что-то существенное, такое, о чем еще долго будут вспоминать те, кто его знал. Вот Николай Платонович... Всего тринадцать лет проработал в Колывани. Но воспитал сотни ребят, многим заменил не только отца – всю семью. Из тех, кто прошел через его руки, нет ни одного, кто бы стал бандосом или выбрал путь криминала, попал в лагерь... Ни одного... а я, в отличие от него...»

И Быков решился. Он с трудом встал, прихрамывая, пошел к стене, где на изгибе белого провода висел кипятильник из лезвий. Взял в руки бульбулятор, подергал провод в разные стороны.

Провод оказался прочным и крепким. Быков расплел двойной провод, умело скрутил из него один. На одном из концов провода он сделал петлю, просунул туда второй конец провода. Получалась отличная удавка.

Мужчина присел на топчан, положил на колени скрученный провод...

Почему-то вспомнил себя совсем еще маленьким, лет около трех или четырех, – он тогда еще не умел даже плавать. Держаться на воде он научился на следующий год; в то же лето научился и читать...

Мысль давила на сердце тяжелым камнем, полностью парализовала волю, не давала сделать последний шаг...

Серега решил заставить себя подумать о чем-то другом, менее приятном, таком, что поможет преодолеть его внутреннее сопротивление к суициду.

Быков вспомнил, как он, словно побитая собака, возвращался из красноярских, других «командировок». Многократно доверившийся, многократно обманутый.

Вспоминал глаза детей, когда он уносил из их комнаты подаренную на их дни рождения видеотехнику, как потом, спустя год, «без щита» вернулся домой. Повзрослевшие и все отлично понимавшие уже дети громко, при нем, смеялись над ним, говорили: «Папа – лох! Лох – это судьба!» А он не знал, что возразить...

Как собирала вещи жена, молча, не попрощавшись, «в никуда», ушла навсегда – с двумя большими сумками; и забрала с собой детей...

«Нет семьи, нет детей... Ради чего тогда работать, просто жить, наконец?»

Незачем.

Случайностей в жизни не бывает. И этот подвал – тоже не случайность. Уверен – меня «упаковали» сюда по ошибке.

Однако Всевышний не допустит случайностей такого рода без веских на то причин. Подвал – это как знак, закономерный конец человека, выбравшего не тот путь, который был ему предначертан изначально.

Единожды свернув с назначенного Богом пути, рано или поздно неминуемо попадешь во что-то этакое, типа такого подвала, что остановит движение по неверно выбранному жизненному маршруту. У кого-то это пьяная драка с поножовщиной, у кого-то – бандитская разборка с автоматной стрельбой. Чей-то путь прерывает пуля снайпера или пара четырехсотграммовых толовых шашек, привязанных к дну автомобиля. Ну а у меня...

А у меня – этот подвал».

Копаясь в собственной памяти, Быков вдруг вспомнил еще один случай, когда он, взрослый и стойкий мужчина, не смог сдержать слез.

У него на «копейке» сломался стартер. Дело было зимой, на улице зашкаливало за минус тридцать. Вдобавок дул очень сильный ветер, за считанные секунды пронизывающий человека буквально до костей.

Младшая дочка собиралась в школу. Она нацепила на спину ранец, несколько раз выбежала на улицу, спрашивала: «Ты отвезешь меня в школу, папа?»

После очередного вопроса нетерпеливой третьеклассницы Серега, раздосадованный тем, что машина никак не хочет заводиться, сорвал все накопившееся за утро зло на любимой младшей дочери. Он рявкнул на нее, сказал, чтобы она шла в школу пешком. Дочка не посмела послушаться, она вышла из ограды и направилась через продуваемое всеми ветрами поле в сторону школы. Быков проводил ее взглядом, увидел, что она с трудом перебирается через сугробы на тоненьких ножках, в тонких колготках, что ее едва не сваливает ветер... Но он не вернул ребенка, накопившаяся за утро злоба в сердце оказалась сильнее его любви к дочери...

Вечером дочка затемпературила. Она болела еще месяц, пропустила четверть, едва не осталась на второй год, после этого у нее навсегда остался бронхит.

Серега так и не смог простить себе своего поступка, он плакал, когда вспоминал, как отправлял ее в школу, как валил ветер перебиравшуюся через сугробы младшую дочь.

...Быков принял, наконец, решение. Он мысленно попрощался со всеми, кого знал и кого любил, – с матерью, женой, детьми, с сестрой и братом. Он сел на топчан, закрыл глаза. Две горячие бусинки воды скатились по его щекам...

«Как говорится, к человеку смерть приходит с косою и в белой одежде, а к таракану – в пижаме, с тапком в руке. Таракан я и есть... Та-ра-кан», – мысленно подвел итог своей жизни Быков.

Накинул петлю на шею, потуже затянул. Провод не оборвался. Быков посмотрел по сторонам, выискивая, куда можно было бы закрепить свободный конец провода. Наконец он увидел крюк, на котором висела труба отопления. Дрогнувшей рукой привязал конец удавки к крюку. Немного постоял, собираясь с духом...

И подогнул колени...

Через несколько мгновений в голове появился какой-то шум и гул, огненные мурашки побежали по всему телу...

Сознание быстро затопила теплая чернота...

Глава 4. Шесть часов сна

Солнце уже пряталось за горизонт, когда Игорь и его шеф увидели, наконец, очередной пост ГИБДД – последний перед Новосибирском. Николай заметил знаки, ограничивающие скорость на этом участке трассы, снизил скорость, потом еще...

Метров за тридцать до поста упитанный «продавец полосатых палочек» перехватил поудобнее свое «орудие труда» и неспешно пошел вдоль центральной стальной преграды, в том же направлении, в котором двигалась серая «двенашка». Его коллега незаметным движением приподнял небольшой радар, который он все это время держал в полусогнутой руке.

Николай обратил внимание, что упитанный страж порядка готовится махнуть перед ним своим «бычьим глазом», но в этот момент он, одновременно с толстым «хозяином дороги» перехватил практически незаметный посторонним сигнал, который подал гаишник с радаром и который, по всей видимости, не рекомендовал ему останавливать автомобиль – скорость не была превышена.

На лицах обоих сотрудников ГИБДД отразилось такое разочарование, что Николай с трудом подавил в себе улыбку. Проезжая мимо, он незаметно скосил глаза на упитанную фигуру «стража дорог». Живот у того имелся – не очень большой, но достаточно округлый от сытости, говоривший о том, что его обладатель мало двигается, зато кушает вкусно и сытно.

В городе Игорь и Николай вновь поменялись местами за рулем. Хорошо отдохнувший на заднем сиденье Гасюк быстренько отвез генерального домой, выгрузил видеокамеру, сумки, а сам, наскоро перекусив бутербродами, отправился на железнодорожный вокзал Новосибирск-Главный.

...Как оказалось, Серега выбрал самый простой вариант, он купил билет на поезд Красноярск – Новосибирск. Теперь при желании можно было точно узнать, сел ли в поезд Быков и доехал ли он до конечной станции – разумеется, при условии, что проводники его запомнили.

Оставалось «малое» – найти проводников, работавших в вагоне номер шесть в тот день, когда в нем ехал друг Игоря.

Гасюк по работе ранее никогда не контактировал со службами железной дороги. «Ничего страшного! – приободрил он себя. – Должен же быть здесь отдел, в котором есть все данные о проводниках, назначенных на поезда, формируемые в Новосибирске».

Не сразу, но такая служба в бездонных недрах Новосибирска-Главного нашлась. Пожилая тетка в синей форме железнодорожного работника, мельком глянув на высокого, физически крепкого мужчину, сразу отнесла его к группе «силовиков» – так она мысленно называла всех сотрудников правоохранительных органов и... бандитов – людей, не особенно обременяющих себя длинными объяснениями о целях своего визита. Она взяла в руку бумажку, поданную ей Игорем, на которой были написаны номер поезда, дата и номер вагона, в котором должен был ехать Серега Быков. Она неторопливо надела очки, прочитала цифры, отвернулась к компьютеру, стоявшему у нее на столе. Несколько секунд она медленно перемещала мышку по столу и щелкала ею там, где курсор на экране совпадал с некоторыми клеточками довольно большой таблицы. Наконец она нашла то, что искала, выделила короткую строчку, отправила выделенный фрагмент на принтер.

– А что случилось-то? – поинтересовалась она перед тем, как забрать белый листочек с быстро напечатанного его аппарата. Эта женщина имела огромный опыт работы на железной дороге, сама много тысяч километров наездила в качестве проводницы, потом – начальника поезда, знала: если интересуются фамилиями, значит, скорее всего, хотят написать жалобу. И как подсказывал ей ее богатейший опыт, в девяти случаях из десяти конфликт можно пога-

силь, если дать возможность обиженному человеку высказать вслух претензии, заверить, что обязательно разберутся с «обидчицей» или «обидчиком».

– Да ничего страшного! – ответил Игорь, решив не лгать, но и всей правды тоже не говорить. – Человек один должен был приехать этим поездом. Билет он купил – я проверил, но ехал или нет – не знаю. Вот хочу уточнить – ехал или нет; может, проводники его вспомнят?

Глаза женщины немного потеплели – она поняла, что ее посетитель – «силовик», по крайней мере, не станет жаловаться.

– Знаете, что! – неожиданно сказала она. – Давайте я посмотрю, когда эта бригада возвращается в Новосибирск! – Она опять пощелкала мышкой. – Так! Бригада, которая обслуживала тот поезд, будет в Новосибирске, как обычно, в половине одиннадцатого – по местному времени. В каком вагоне сегодня работают наши девочки, я вам сейчас тоже скажу...

Вот... Да... Они в шестом вагоне. Как обычно... Это их вагон... – Она сняла листочек с принтера, подала его Игорю. – Ну а как их зовут – сам прочитаешь!

– Спасибо! – искренне, от всей души поблагодарил женщину Игорь, еще не подозревая даже, какую огромную услугу ему и его другу она только что оказала. Он спустился вниз, в одном из многочисленных киосков купил большую коробку шоколадных конфет, вернулся обратно. Женщина удивленно посмотрела на него, натянуто улыбнулась – кажется, она все сказала посетителю, что знала, помогла, чем могла, но, когда увидела протянутую ей блестящую плоскую коробку с цветами на верхней крышке, заулыбалась шире.

– Спасибо! – сказала она. – Большое спасибо! Возьму домой, внуков угощу! – Она ловко спрятала коробку куда-то в стол.

...Он успел вовремя. Поезд уже стоял на первом пути, все пассажиры вышли, но вагоны маневровый тепловоз в тупик еще не укатил. Там, в «отстойнике», они будут дожидаться вечера. В половине пятого фирменный вновь вытянут на перрон, опять загрузят людьми и вещами...

Девушки-проводницы долго вертели в руках фотографию, на которой Игорь и Серега были сфотографированы полтора десятка лет назад. Они поочередно, оценивающе смотрели то на черно-белый прямоугольник, то на неожиданного гостя с короткой стрижкой и испытующим взглядом серьезных серых глаз. Игорь их не торопил, он на какое-то время даже перестал дышать – боялся словом или жестом спугнуть колеблющихся девушек. Проводницы молчали тоже. Место в вагоне было все-таки денежное, терять его не хотелось, особенно вот так – по глупости. Существовала опасность, что ТОТ пассажир мог быть каким-нибудь секретным проверяющим, но опасность эта была небольшая. Для проверяющего он был слишком простоват, что ли. Да и времени прошло довольно много – больше недели. Вряд ли начальство стало бы так долго думать: наказывать или нет нештатных «продавщиц любви».

Наконец одна, самая смелая или самая сообразительная, поняла наконец, что никакого наказания для них не предполагается даже в том в случае, если они опознают пассажира, отказавшегося от «девочек».

– Да, был такой пассажир! – сказала она. – Ехал один. При нем была спортивная сумка.

– Он что-нибудь пил?

– Только чай!

– А вышел он точно в Новосибирске, вы точно помните? Может, он раньше сошел или проехал дальше? – Только через секунду Гасюк понял, что сморозил глупость: станция-то была конечной!

– Как выходил он, я не помню – народу в Новосибирске выходит всегда много, за всеми не уследишь. Мог, конечно, и раньше сойти. В Мошково, например, или на станции Новосибирск-Восточный.

«Стоп! – мысленно сказал себе мужчина. – А я ведь видел, кажется, в Серegiной телефонной книжке телефон с кодом районного поселка Мошково. Надо будет посмотреть...

Ну, Быков! Если ты действительно сейчас там, я с тебя ящик пива точно стрясу!»

Игорь поблагодарил девушек, презентовав каждой по плитке шоколада с орехами. На большее у него не было ни средств, ни времени.

...Он походил вокруг вокзала, пытаясь понять, каким маршрутом мог бы пойти Серега, если он сошел с поезда именно на Главном, а не где-нибудь в Мошково.

«Девушки не сказали, на какой именно путь тогда поставили их поезд. Предположим, – думал Гасюк, – на первый. Тогда Быков прошел бы через вокзал, поднялся наверх, свернул направо, к метро... Так... Допустим, путь был второй или третий... Тогда он наверняка пошел бы на переходной мост. Я знаю Серегу, он ни за что не стал бы толкаться в толпе пассажиров, среди огромных и тяжелых сумок, в подземном тоннеле, ведущем в вокзал. Он наверняка пошел бы вот сюда, на мост». – Игорь, пользуясь тем, что ближайшие к вокзалу железнодорожные пути свободны, быстро прыгая через рельсы, добрался до второй платформы. Он легко поднялся на переходной мост, послушал, как гулко отражается от стальных вагонов эхо переговоров железнодорожных служб, объявлений диспетчера.

«Вправо Быков бы точно не пошел, – думал Гасюк. – От областного ГАИ на Чемской без пересадки не уехать. Наверняка он свернул налево». – Игорь прошел по переходному мосту, дошел до пригородных касс. Неожиданно сзади нахлынула толпа дачников – пришел электропоезд. Мужчины, женщины, среди которых немало пожилых, несли в руках ведра с ягодой, грибами... Прошел дед со складными самодельными удочками. От него остро и вкусно запахло свежей рыбой...

Мужчина посторонился, дождался, когда схлынет основной поток дачников. Через несколько минут он вновь вернулся к пригородным кассам, прошел дальше, к лестнице. Прямо от нее – вход в метро, вправо – стоянка такси.

«На чем же поехал Серега? – задумался Гасюк. – Если он выходил через вокзал, то обязательно прошел бы через этот пятачок. Если прошел через переходной мост, то тоже все равно не миновал бы этого кусочка площади Гарина-Михайловского.

Так... С местом определились. Если Быков вышел в Новосибирске, то он обязательно прошел бы здесь. Осталось только найти того, кто мог бы его видеть здесь. Видеть и запомнить».

Игорь понимал, что задача эта практически невыполнимая. За день через вокзал проходят тысячи человек. Неужели кого-то можно запомнить в таком человеческом море? И все же... а вдруг? Вдруг Серега здесь кого-то обматерил? Или устроил драку? Игорь улыбнулся, представив, как Быков устраивает потасовку: за два десятка лет он не видел ни разу, чтобы его друг с кем-то подрался.

Бывший бегун вернулся на переходной мостик, еще раз внимательно огляделся. В самом низу, у ворот на парковку, он заметил стайку молодых людей в спортивной одежде. У них не было ни багажа, ни даже сумок – обычных предметов для тех, кто собирается куда-то ехать на поезде. Они явно никуда не собирались ехать. Но вместе с тем по их уставшим, ленивым движениям легко можно было понять, что эти молодые люди здесь давно. Что делают здесь эти парни с ярко выраженной спортивной подготовкой, Игорь, конечно, знал.

«Братва!» – с первого взгляда определил он «национальную» принадлежность спортивных молодых людей.

Средства массовой информации, подконтрольные теперь чиновничеству, давно протрубили о том, что организованная преступность в Новосибирске почти полностью побеждена, бандиты-де, нарубив бабок, переквалифицировались в мирных «авторитетных предпринимателей», стали меценатами и депутатами...

Бывший милиционер знал, что это не совсем так. Да, действительно, по мнению криминалитета, Новосибирск конца девяностых – «красный» город. Правда и то, что некоторая часть криминалитета, «подняв» стартовый капитал, ушла в «серый» бизнес, завладела казино, банями, магазинами, кинотеатрами, заводами, открыла свои фирмы... Отмыла деньги, полученные рэкетом, грабежами, убийствами...

Некоторая, но не вся.

Весь город, огромный двухмиллионный мегаполис, поделен между криминальными группировками, словно свадебный торт. Каждая улица, каждый участок дороги, каждое здание имеют в городе своего криминального «смотрящего». За «боюсь» отстегивают бабки. Больше всех дани платит, конечно, спекуль – тот, кто занимается торговлей.

Все хлебные места, то есть те торговые точки, где присутствует «черный нал», преступными сообществами поделены на «ломти» отдельно. Нет одного хозяина у Центрального или Ленинского рынка, интересы большинства крупных криминальных группировок представлены и на Октябрьском рынке.

Несколько миллиардов долларов дани в год бандиты собирают только с самого большого за Уралом контейнерного рынка – Гусинобродского. Попытки навести государственный порядок в этом «государстве в государстве» для властей закончились практически ничем. За два года в Новосибирске убили двух заместителей мэра города, отвечавших именно за этот сектор работы – с рынком Гусинобродский, по потере доверия «ушли» губернатора.

Деньги под контролем братвы – гигантские. Два фактора – большое количество «штыков», то есть братков, способных взять в руки оружие, и мощные финансовые ресурсы – позволяют организованным преступным сообществам решать вопросы самого высокого уровня, пиарить в средствах массовой информации своих лидеров, «садить» в депутатские кресла своих представителей и защитников их интересов. Но всеядные бандиты не брезгают и «мелочовкой» – двадцаткой с бабушки, полтинником с таксиста.

В большом городе все прямо или косвенно, хотят они этого или нет, но платят дань бандитам. Дань эта – в цене одежды, покупаемой на рынке или в магазине; она – в стоимости хлеба и бензина, могильной плиты, в стоимости автомобиля, в цене детской коляски или детского питания. Она – во всем, к чему прикоснулись руки человека. Даже стакан семечек, проданный бабушкой на углу магазина для того, чтобы просто не умереть с голоду, тоже включает в себя откат братве.

Все это Гасюк знал очень хорошо. Иллюзий по поводу того, что «моя милиция меня бережет», он не строил уже давно. «Моя милиция» берегла в основном себя любимую. Дежурные по райотделам, спрятавшиеся от «граждан» за толстыми пуленепробиваемыми стеклами, любимая милицейская фразочка, что «мы же не можем приставить к каждому гражданину по милиционеру», очень точно говорят, кто на самом деле в городе хозяин. Да, милиция начнет искать преступника, когда обнаружит тело или поступит заявление о краже. То есть в основном она борется с низовой, бытовой преступностью. Серьезный, организованный криминалитет в Новосибирске ей пока не по зубам. Нет законодательной базы, очень трудно доказать руководство преступным сообществам. Вот если изменится законодательство...

Именно поэтому Игорь не стал даже обращаться в милицию по поводу исчезновения своего друга. Для того чтобы милиция начала что-то делать, нужен Серегин труп. А тела пока не было. Игорю вновь припомнилась фразочка из милицейского жаргона: «Нет тела – нет дела!»

Мужчина мучительно долго размышлял, стоит ему или нет со своим вопросом подойти к старшему из стайки братвы. Много будет зависеть от настроения бригадира. В кураже бандитские лидеры иногда совершают такие неожиданно большие и добрые дела, про которые потом среди обычных людей годами ходят легенды, поднимая авторитет братвы в глазах простого народа, привлекая в ряды группировок все новых и новых пацанов.

Гасюк достал фотографию, повертел в руках. На ней Игорь и Серега были сфотографированы полтора десятка лет назад, накануне очередного весеннего кросса, в Новосибирске. Игорь тогда пробежал просто здорово, он занял второе место, вслед за чемпионом СССР среди юниоров, его тезкой Игорем Саглаевым. А еще он тогда впервые выполнил норматив кандидата в мастера спорта СССР. Хотя ему только-только исполнилось восемнадцать...

Наконец он принял решение. Мужчина спустился вниз, прошел под мост, спустился еще ниже, к самому выходу из железнодорожного вокзала. Пассажиров здесь сейчас практически не было, человеческий ручеек с большими сумками наверху появится немного позже, когда у вокзала остановится очередной поезд...

Игорь подошел поближе к бандитам, вопросительно посмотрел на главного, которого он безошибочно вычислил по возрасту: бригадир был старше любого из парней лет на семь-восемь.

– Что-то хотите? – вежливо и настороженно поинтересовался у него чернобровый высокий мужчина. Он кольнул подошедшего неприятным взглядом, выдававшим человека, отмотавшего срок.

Игорь кивнул.

Бригадир отделился от стайки «коллег» и шагнул навстречу Игорю.

Глава 5. Хозяин бетонной тюрьмы

...Примерно десять дней назад Виктору Хорякову, по кличке Хорь, позвонил Степа – Владимир Петрович Степанов – предприниматель. Степанов был, как их сейчас политкорректно называли, «авторитетным предпринимателем». Такая формулировка в определении статуса Степы говорила, что у данного субъекта есть интересы как среди криминалитета, так и среди «серого» бизнеса. Бывшему бойцу-«пехотинцу» из бригады Ломтева, по кличке Лом, быстро наскучило трясти должников и собирать дань с киосков и магазинов. Посоветовавшись с Ломом и заручившись его поддержкой, он довольно скоро переключился на полулегальный бизнес. Степа по дешевке прикупил несколько подержанных «жигулей», пользуясь тем, что под его контролем находился один довольно оживленный участок улицы Забалуева, он поставил туда свои такси, посадил в них нанятых им водителей. План для «рабов» он определил небольшой – всего двести или триста рублей в сутки, в зависимости от состояния «хлама», на котором ездили нанятые им «рабы». Десять машин давали две с половиной тысячи рублей в сутки в среднем. В первые месяцы прибыли капало по семьдесят пять тысяч. Но потом машины стали понемногу обновляться, дела пошли в гору, и всего через год ежемесячный доход энергичного бывшего «быка» составлял более пяти тысяч долларов.

Для простого человека деньги, в общем-то, немалые. Но для члена группировки, привыкшего к определенному образу жизни, поварившегося в среде, где крутятся десятки и сотни миллионов баксов, где «под жопой» у братка в порядке вещей «крузер» за пятьдесят тысяч «вечнозеленых» или Х5-й «бумер» за семьдесят тысяч долларов, доходы Степы были просто смехотворными.

Владимир, бывший борец, от сытой и малоподвижной жизни быстро набрал вес. Однако внешность добродушного толстяка никак не соответствовала его характеру...

А еще Степе очень хотелось повысить свой статус среди «своих». Но для этого нужен был авторитет или деньги. Большие деньги.

Первая ласточка удачи прилетела к Степе, когда его более высоко стоящие «коллеги» попросили об услуге. Нужно было «поставить на бабки» одного очень несговорчивого коммерсанта. Мужичок оказался с характером, дань братве платить отказался наотрез. Его не стали запирать в подвал и толкать раскаленный паяльник в задний проход – времена были уже все-таки другие. Но желание наказать несговорчивого спекуля от этого меньше не стало, однако действовать решили тоньше, изобретательнее. И вот тут-то пригодился Степа со своим автопарком из «убитых» «жигулей». Лучшего способа отследить за упрямым коммерсом придумать было просто невозможно.

Целый месяц, с раннего утра до глубокой ночи, пасли спекуля Степины «рабы», выискивали возможность, на чем можно было бы подловить бизнесмена. Наконец тот, немного успокоившись, или потеряв бдительность, в один из вечеров выпил с другом у него на квартире водочки. До дома было, как говорится, рукой подать – несколько сот метров. И он решил, что сможет доехать до дома сам, тем более что гаишников в этом районе города в такое время суток никто и никогда не видел.

Предприниматель сел за руль своей машины, выехал на совершенно пустынную дорогу, поехал к своему дому. Он, разумеется, не знал, что его давно уже пасут бандиты, что они только ждут удобного случая...

Бизнесмену подставили «мерина» – навороченный «мерседес-SL500».

Приехали гаишники. Они быстро определили, что коммерс был нетрезв. А пьян – значит, виноват.

«Автогражданки» тогда еще не было, да и что бы она изменила, если водитель сел за руль под хмельком?

Спекуля «раздели» по полной программе – видно, уж слишком долго охотились за ним братки, они устали ждать осечки бизнесмена, и злость на него с каждым днем становилась все сильнее и сильнее... Соответственно росла и величина «обиды», за которую «нужно ответить».

Предприниматель, чтобы отдать долг и отвязаться от крепко насевших на него братков, отдал им свой бизнес, продал квартиру, автомашину... С тех пор о нем в деловой среде Новосибирска не было слышно ничего.

...Примерно десять дней назад Виктору Хорякову, по кличке Хорь, Степа позвонил в очередной раз. Разговор Степы и Хоря по телефону был самым обычным. Любой посторонний человек, оказавшийся рядом, ни за что бы не подумал, что обсуждаются криминальные или противозаконные темы.

- Привет, Хорь!
  - Здорово, Степа!
  - Как жизнь?
  - Да нормально, работаем помаленьку, а как у тебя?
  - Да тоже пока нормально.
  - Чё позвонил? Встречаешь кого-то?
  - Нет... Другой вопрос...
  - Какой?
  - Заяц нужен.
  - Когда?
  - В ближайшие три дня. Сможешь?
  - А почему нет?! Платишь сколько?
  - Две штуки баксов. Пойдет?
  - Пойдет. Тебе его куда? Как обычно?
  - Да, как обычно. Сдашь Слону... У него же и получишь деньги.
  - Все, пока!
  - Пока!
- С этого момента в действие вступал план по поимке «зайца».

...Игорь появился в конторе, как обычно, в назначенное время. На лице у зама по общим вопросам красовались темные очки. Но и они не могли скрыть большого фиолетового пятна на виске и под глазом мужчины.

– Что случилось? – встревоженно спросил шеф.

– Да вот. Вчера вечером заглянул на железнодорожный вокзал, нужно было уточнить информацию по поводу приезда в город одного человека... Когда я уже возвращался к машине, недалеко от стоянки меня догнали трое парней. Долго не разговаривали, первый сразу – кулаком в лицо. Ну, этого я вырубил с одного удара, но со вторым немного пришлось повозиться. Через несколько секунд лежал и он. В этот момент третий – в сумерках я его совершенно потерял из виду – подобрался сзади и звезданул мне «маваши» в голову. Хорошо, что удар прошел скользом. После удара я упал, но сразу вскочил. Этот, третий, опять мне – ногой по голове. Но я уже был готов. Поставил блок... Встретил прямым в челюсть... Пока они отдыхали на асфальте, я быстренько оттуда свинтил... Мали ли что. Вдруг кто-то еще помогает – с пистолетом – и ждет удобного момента, чтобы всадить пулю между лопаток?

– Что им надо было?

– Не знаю, они ничего не говорили. Думаю, за машиной шли...

Но Игорь ошибался.

Когда вчера вечером к Хорю подошел незнакомый высокий мужчина с коротким ежиком светлых волос и показал ему фотографию того самого мужичка, которого он неделю назад

посадил в машину Хобота, у Хоря предательски дернулись глаза. К его счастью, мужчина на него не смотрел, а вместе с хозяином левой половины вокзала, как он себя иногда называл, смотрел на фотографию двух молодых людей. Виктор Хоряков – опытный «разводила», восемь лет отмотавший в лагерях, – быстро справился с собой, сделал каменное лицо. Он равнодушно посмотрел в фотографию, отвернулся, сказал, что никогда здесь этого человека не видел. Но когда неизвестный мужчина ушел, он быстренько подозвал троих бойцов своей бригады и приказал им выбрать подходящий момент и жестко наказать слишком любопытного мэна.

Бойцы вернулись минут через двадцать. У одного из них был сломан нос, у другого – челюсть. Третий не имел видимых повреждений... Хорь все понял без слов, с первого взгляда.

– Сколько их? – тревожно спросил он.

– Один! – ответил за всех не поврежденный внешне браток. Хорь свистнул. Около него моментально собралась вся бригада – человек восемь.

– Показывай, где! – приказал неповрежденному Виктор, и братва – гурьбой, быстрым бегом, под пешеходными переходными мостами понеслась на другую сторону железнодорожного вокзала Новосибирск-Главный.

Обидчика искали долго, но не нашли.

– Ушел, сука! – выматерился Хорь. – Найду, распорю ему брюхо и задущу его собственными кишками! – Он зло сплюнул на асфальт. – А вы что, втроем не могли справиться с одним? – Переключился на потерпевшего братка Виктор. Что, давно в спортзале не были? Рассказывай, как было!

– Ну... Костя этому... – с ходу – в челюсть. Кто ж знал, что он такой здоровый? Мужик поставил блок и прямым в голову положил Костяна. Сразу положил. Я – на него... Держу дистанцию... Вмазал ему лоу-кик по бедру. Мужик стоит. Я – еще раз, по-другому. Мужику хоть бы хны... Тогда я сократил дистанцию, показал, что ударю слева, а сам ударил справа. Мужик на финт не среагировал, на удар справа поставил блок...

– Ну а потом? Что было потом?

– Потом он мне по солнечному сплетению ка-ак даст. Удар жесткий. Как битой. Я движение его руки даже заметить не успел, не то чтобы среагировать. У меня дыхания враз не стало, из глаз – искры... Упал я на бок... В это время Стас подкрался сзади и врезал мужику ногой по башке. Мужик упал... Ну, думаю, Стас щас его уделает. Но мужик крепкий оказался. Вскочил сразу. Стас его опять ногой – по голове. Мужик ногу поймал – и двойку, по туловищу и по голове... Челюсть Стасу сломал. Слышно было, как лопнула кость.

– Ничего не заметил? Печатка или кастет? А машина какая?

– На руках ничего не было. Но видно, подготовка у мужика профессиональная, где-то серьезно занимался.

– Чем?

– Не знаю, сложно сказать. Но не бокс и не карате – это точно. А машина – «десятка», кажется. В темноте номеров не видно было, она далеко от места драки стояла. Он, когда Стаса уделал, сразу уехал.

Виктор немного остыл, отошел в сторону. Он достал из кармана сотовый телефон, нашел в нем номер Степы.

«Ну и что я ему скажу? – подумал он, задумчиво глядя на телефонный номер Степана. – То, что мужиком, которого я ему нашел, кто-то интересуется? Так это минус – мне. Этого зайца ведь я ему подогнал. Кто же знал, что у мужика в городе такой знакомый. Нет... Пока ничего говорить не буду. Если что-то не так, сам позвонит. А мне надо найти этого... с битой. Только вот что это даст? Пока он, скорее всего, может подумать, что шли за его машиной. А если начать его искать, не исключено, что мужик догадается, что вломить ему хотели из-за мужика на фотографии. А раз ищет мужика на вокзале, уже точно знает, что его похитили.

Если ему начистить рожу, то он сразу поймет, что мы связаны с похищением. Нет... Трогать этого каратиста нельзя. Пока нельзя. А там посмотрим...»

Он вернулся к бригаде, все еще негромко обсуждавшей перипетии недавнего сражения.

– Вот что, братва! – сказал Виктор. Парни насторожились. Таким тоном Хорь обычно говорил уже вынесенное им решение, приказ, который нужно беспрекословно выполнять. – Мужика этого, если увидите, не трогать. Пока не трогать! Если увидите его где-то в городе или сам появится здесь еще раз – сразу говорите мне. Но сами никаких действий не предпринимайте. Все понятно? – еще громче, со скрытой угрозой в голосе переспросил Хорь. Братва промолчала. Понятно было не все. Но переспрашивать в такой ситуации означало нарываться на неприятности. А их и так сегодня вечером было с избытком.

...Лишь к обеду Игорь вспомнил, что еще утром должен был позвонить Александру – тому, с которым обедал в «Хуторке». Он прошел в кабинет, подобрал со стола мобильник. Телефон в его руке заиграл знакомой музыкой.

Звонил... Александр.

– Здорово, Игорь Викторович!

– Привет, Александр Николаевич!

– Пообедать не хочешь?

– Хочу! Но не смогу!

– Это... Как это так?

– Да... Есть тут небольшая причинка... Внешнего свойства. Давай лучше встретимся на набережной, около речного вокзала. Ты не против?

– Нет, конечно! Во сколько?

– Давай как обычно!

– Давай! А где точнее? Там место большое, можно полдня по набережной гулять, выискивая друг друга.

– Можно прямо под метромостом...

– Годится! До встречи!

– Пока!

Игорь глянул на часы. До встречи еще уйма времени. И все же он решил на всякий случай выехать пораньше. Если не будет автомобильных пробок, обычных на центральных улицах Новосибирска в это время суток, он доберется до остановки метрополитена «Речной вокзал» минут за двадцать. А если будут... Он ведь запросто может оставить машину где-то во дворе и поехать на randevu на метро.

Пробок не было. Гасюк лихо выскочил на Красный проспект, без больших задержек миновал площадь Ленина. Двигаясь мимо Киноконцертного зала имени Маяковского, он мельком глянул на огромную афишу. В самом большом в городе кинотеатре вновь шел какой-то американский боевик...

Игорь проскочил под Коммунальным мостом, миновал серую квадратную «пуговину» метрополитена, упакованную в рифленую стальную «фольгу». Метров через двести он свернул вправо, к гостинице «Обь». Мужчина выбрался из машины, прошел к краю набережной, повернулся к Оби, всем телом навалился на каменный парапет...

– Здорово, Игорек! – Александр подошел, как всегда, вовремя и, как всегда, неслышно. Гасюк обернулся. «Бывший» стиснул руку Игоря своей стальной клешней, заметил синяк под темными очками. – А! Вот по какой причине ты не захотел встречаться в кафе. Если не секрет, что случилось?

– Да... Так... Упал на шлак – а там кулак! – отшутился Игорь.

– Извини, Игорек! – примирительно сказал Александр. – Не хотел тебя обидеть!

– Да ничего, все нормально... Что, есть какие-то новости? Хорошие, наверное?

– Ну, новости есть. А хорошие или плохие – это решать уже тебе!

– Рассказывай!

– Начнем по порядку. – Он достал из принесенной с собой папки мультифору, вытащил из нее несколько листков. – Данные паспортов, которые ты мне дал, совпадают с теми, которые имеются во всероссийской базе данных. Они выданы людям с теми же именами и фамилиями, которые в них указаны. Но паспорта эти числятся утерянными около полугода назад. То есть ваши партнеры – не те люди, за которых себя выдают.

Это первое. Когда я это обнаружил, стал копать дальше. Отсканировал фотографии из паспортов, сделал запрос по своим каналам...

И вот что оказалось. Эта пара предпринимателей – хорошо известные в Красноярске мошенники и аферисты. Фамилии их, я думаю, тебе ничего не скажут... Схема их работы обкатана и довольно проста. Они бросают фирмы давно и на довольно большие деньги. И делают это следующим образом. С фирмой, которую они намереваются кинуть, они подписывают очень выгодный для нее договор. В нем речь идет, как правило, о покупке подставной фирмой какого-то товара, с рассрочкой выплаты платежа на небольшой срок. Наши аферисты просят, допустим, вашу фирму подстраховать их. То есть деньги за товар они обязуются выплатить сами, но на всякий случай непредвиденной задержки – товар же нужно реализовать – они просят вашу фирму дать гарантийное письмо, что она, в случае непредвиденных обстоятельств, покроет задолженность за них перед той фирмой, у которой товар взят на консигнацию, – то есть с отсрочкой выплаты. За подстраховку вам пообещают неплохой процент, например десять процентов от суммы сделки. Это примерно треть их возможной прибыли.

– Ну и что же здесь «кидального»? Многие фирмы так работают. Это выгодно обеим сторонам. Нашей – тем, что, не вкладывая собственных средств, мы можем заработать неплохие деньги.

– Согласен. Но дальше ситуация развивается следующим образом. Через день или два после заключения договора с вами фирма аферистов возвращает вам договор, но не подлинный, а другой, похожий, не с настоящим, а с липовой печатью. Мотив такой – «сделка не состоялась, необходимость в вашей подстраховке отпала. Спасибо, приятно было с вами иметь дело, жаль, что не срослось». Ваша фирма на этом успокаивается. Аферисты тем временем, с настоящим договором, берут товар, как и планировали, на крупную сумму. Товар быстро, по демпинговым ценам, продают и растворяются. Проходит месяц или два. Хозяева товара начинают искать покупателя. Не находят. В конечном итоге все заканчивается тем, что фирма – продавец товара появляется в вашем офисе с документами на поставленный товар и с вашим гарантийным письмом.

Придется платить.

Игорь взял протянутый ему бывшим чекистом листочек, внимательно прочитал собранную им информацию. Вскоре родился вопрос:

– Ну хорошо! Если так очень хорошо известно про их делишки, то почему их не арестуют, не посадят, наконец?

– Хороший вопрос, Игорек! Хороший вопрос! Я не еврей, как ты знаешь, но можно, я тоже отвечу вопросом на вопрос? Как ты думаешь, кинутые фирмы хотят вернуть потерянные деньги или нет?

– Да уж наверняка хотят!

– Вот и я о том же! Рано или поздно путь таких аферистов заканчивается тем, что они, кинув не того, кого нужно, нарываюся на его крышу. И все – теперь они отрабатывают долги, возвращают деньги. Но лично им теперь остается очень мало – все забирает крыша.

– Ментовская или бандитская?

– А тебе разве не все равно?

– Ну да. В общем-то, все равно... Чем я тебе обязан за помощь?

– Соточки, думаю, будет достаточно.

Гасюк достал кошелек, вынул из нее стодолларовую купюру. Это именно про нее Александр говорил «соточка», имея в виду, конечно, не рубли. Чекист быстро спрятал деньги во внутренний карман.

– Спасибо за помощь! – искренне поблагодарил отставного контрразведчика Игорь. Он сжал протянутую ему стальную ладонь, подхватил под мышку мультифору с документами, переданными ему Александром.

– Пожалуйста! – ответил тот. – Обращайся, если что. Хорошим людям мы всегда помочь рады!

Генеральный своего помощника уже ждал. Он сразу взял положенные ему на стол документы, внимательно прочитал информацию отставного чекиста, задал несколько вопросов Игорю. Он еще раз вспомнил все моменты предварительных переговоров, особенно те нюансы, которые насторожили. Во время переговоров он четко видел, что его партнеры время от времени лгут ему. Но в бизнесе это обычное дело, никто и никогда не скажет всей правды, не выложит всю информацию даже самому близкому партнеру. Не из вредности, конечно...

Николай Александрович тоже не выдавал секретов своего предприятия. И все же... Теперь он вспомнил, что его насторожило больше всего: тот парень, который назывался директором, все время трогал себя за нос, когда обращался по имени к своему партнеру.

...Николай заварил себе и Игорю чай, пригласил его к себе в кабинет. Они несколько минут посидели молча, попили чай. Каждый думал о своем.

– Как ты думаешь, Игорь, – разговор, как обычно, начал генеральный, – уйти от заключения договора нам нужно корректно или отказать сразу, дав понять, что мы кое-что знаем об их методах?

Гасюк покусал ноготь мизинца, обдумывая ответ. Ситуация была очень непростой; во всяком случае, действовать прямолинейно не имело большого смысла. Это могло быть даже опасным. Плохо то, что неизвестно, что за крыша у этих аферистов. Если им на переговорах сразу дать понять, что их раскусили, то не исключено, что ради того, чтобы не сорвались другие «кидальные» сделки (а в этом Игорь почему-то не сомневался!), крыша может пойти на самые радикальные меры. Нет... Здесь надо тоньше действовать... Тоньше.

– Вот что я думаю! – произнес он наконец. – У этих мошенников наверняка есть какое-то прикрытие сверху. Такие дела без сильной поддержки не провернуть. У них также наверняка могут быть другие кандидаты на «бросок». Если мы сейчас откажем им напрямую, то вступаем в конфликт не с ними, а с теми, кто над ними стоит. Кто – мы этого пока не знаем. Да и знать нам это лучше не надо – так спокойнее и для нас, и для них.

Поэтому у меня такое предложение: не отказывать, но и договор не заключать. Ты же можешь куда-то уехать, заболеть, наконец. А без тебя заключать договоры не имеет права никто.

Болезнь ты можешь хоть месяц. Думаю, за это время они сами поймут, что мы не готовы работать с ними на условиях, которые они предлагают. Если не догадаются, можем сказать, что за это время нашли другого партнера, который предложил более выгодные условия.

– Какие?

– А наоборот. Мы – берем товар, а они гарантируют за нас, что подстрахуют в случае чего.

– Интересная мысль. Надо подумать! – развеселился Николай Александрович.

На том и порешили.

«Партнеры» приехали ровно в четыре часа пополудни, как и договаривались. Они привезли заранее подготовленный договор, на котором уже стояла печать их фирмы и подписи

руководителей. Николая в офисе уже не было, он уехал «по срочным делам, но вот-вот будет». Зам по общим вопросам угощал гостей чаем с печеньем, расспрашивал о Красноярске, о том, как и почему погиб бывший губернатор края Александр Лебедь, интересовался, как развивается лесная отрасль.

За разговорами незаметно пролетел час. Около пяти вечера позвонил генеральный, он сказал, что сегодня в офис приехать не сможет – у него поднялась температура, сильно болит голова. Просил от его имени извиниться перед партнерами и сказать, что как только он выздоровеет, он обязательно перезвонит им сам.

Игорь все в точности передал «партнерам». Они немного расстроено распрошались, но пообещали, что будут с нетерпением ждать звонка Николая Александровича.

Только когда дверь за ними закрылась, Гасюк позволил себе немного расслабиться. Он снял пиджак, повесил его на спинку кресла. Прошел на кухню, в коридоре едва не столкнулся с Александром Федоровичем. «Мэтр» нес в руке почти полную чашку с кофе и очень боялся расплескать ее на пол.

Игорь заварил себе любимого «Tchibo», вернулся в кабинет. Он сел за стол, в кресло директора; облокотился на столешницу, подбородком уперся в раскрытые ладони.

«Так куда же мог деваться Серега Быков? Как и где его теперь искать?» – в размышлениях над этими вопросами бывший легкоатлет просидел весь остаток рабочего дня и весь вечер, но ответа так и не нашел.

«Что ж, придется, как обычно, действовать методом научного тыка, – решил Игорь. – Завтра с утра начну обзванивать всех Серегоных знакомых из его записной книжки».

Глава 6. Метод научного тыка

...Где-то высоко-высоко над бездонной чернотой провала беспамятства и безвременья загорелась крохотная, тусклая, едва заметная звездочка. Она медленно росла, приближаясь, пока не превратилась в светлое полупрозрачное человеческое существо. Существо не то танцевало, не то двигалось – ритмично, в такт неслышимой музыке.

Неожиданно в голове, подобно тому как в любительской ванночке с проявителем, на матовой фотографической бумаге проявляются лица, фигуры, деревья, стали проявляться мысли, слова, образы... «Тебе еще рано умирать! – сказали мысли-образы. – Ты еще не выполнил того, ради чего был послан (рожден?)...

...Сознание возвращалось медленно, неохотно. Звон в ушах становился все отчетливее. Потом пришло осознание самого себя. Потом стали слышны звуки... Серега Быков лежал на спине. Он, словно через толстую перьевую подушку, слышал какую-то приглушенную возню, кто-то двигал его полубесчувственное тело. Казалось, это не с ним, а с кем-то посторонним возьмется неизвестные люди, зачем-то тянут его за руки, приподнимают голову.

Через несколько секунд он почувствовал, что что-то холодное льется ему на лицо, шею.

Картинки и звуки стали проявляться быстрее. Серега сделал, наконец, движение, он отвернул голову, чтобы вода не попадала в нос и в рот.

– Очнулся! – раздался чей-то отдаленный и приглушенный голос. Быкова приподняли, посадили спиной к стене. Бордовая чернота закружилась, пустилась в хоровод... Серега согнулся, свалился на бок. Его тело скрутила жесткая судорога, вывернувшая наизнанку желудок вместе со всем, что в нем находилось...

...Бывший физрук с трудом разлепил веки. Вокруг него непрерывно двигались ноги в спортивных брюках и кроссовках. Ноги хрустели подошвами по мятым пластмассовым крышкам, пинали ящики, расшвыривали разбросанные пустые коробочки из-под китайской лапши.

Серега, почувствовав, наконец, некоторое облегчение, поднял голову. Около него уже стояли, переминаясь с ноги на ногу, трое парней в кожаных куртках и в темных спортивных брюках. Стояли и смотрели на то, как он самостоятельно пытается принять вертикальное положение. Со второй или третьей попытки ему это удалось.

Желудок вновь закапризничал, он отозвался резким спазмом, намереваясь вытолкнуть из нутра то, чего там давно уже не было. Серега с большим трудом подавил рвотный позыв, мутными глазами посмотрел на ближайшего братка. К его удивлению, тот понял его невысказанную просьбу. Он отлучился на несколько мгновений, вернулся обратно уже с полным пластмассовым стаканчиком кипяченой воды, которую он набрал в стеклянной банке – той самой, в которую не очень давно был опущен бульбулятор, использованный затем пленником в качестве заготовки для изготовления удавки.

– Зачем? – прошелестел Быков. Шея, еще недавно туго сдавленная электрическим проводом, воздух из легких пропускала неохотно. Голосовые связки тоже не слушались; Серега вообще не узнал свой голос. Но братки его услышали.

– Что зачем? – переспросил один из них, видимо, старший.

– Зачем вытащили меня из петли? Я же сам... Я же сам этого хотел!

– Тебя сюда привезли не для того, чтобы здесь подох. Мы взяли тебя живым и вернем – живым. А что будет потом, нас не касается. Нам ты нужен живым. Понял?!

– Нет, не понял... Вы же все равно убьете меня... Так уж лучше я сам, сразу... Чем ждать, пока вы – меня.

– А это не тебе решать, вошь! Подохнешь, когда мы тебе скажем, понял? А если еще раз такое сделаешь, умирать будешь неделю. Мы тебе паяльник в задницу затолкаем и включим... Знаешь, как пахнет жареное говно?

– Нет... Не знаю.

– Вот и сиди здесь!

– И долго сидеть?

– Сидеть будешь столько, сколько нужно. А вам, – обратился старший уже к двум другим охранникам, – удвоить бдительность. Если бы не я, то этот кадр, – он несильно толкнул внешней стороной кроссовки Быкова, – давно бы очоурился. Вам Степа знаете что за это делает? Знаете... Тогда не спите! И телок за мягкие места не тискайте. Вот сделаете дело, тогда и отдохнете. Хоть весь Новосибирск перетрахаете. Но это все потом. А пока – работа, работа, работа. Глаз с него не спускайте!

И еще. Дайте ему пожрать. Сами-то колбаску кушаете, а мужика на голодном пайке держите. Купите ему что-нибудь пожрать нормального. Ну, колбасы, там, огурцов, помидоров, бананов. Ясно?

– Ясно! – практически хором ответили братки.

– И запомните: мужик нам нужен не просто здоровым, а в хорошем физическом состоянии! Головой отвечаете! Водите его на улицу – хотя бы раз в день, на часок...

Старший повернулся и ушел. Вслед за ним по лестнице затопали охранники.

Быков осторожно забрался на топчан, прилег, положил руку под голову. Закрыв глаза, попробовал систематизировать и проанализировать все, что он услышал. «Пленник, то есть я, нужен им живой. Это значит, что меня держат не для того, чтобы убить, а для того, чтобы добиться от меня какого-то действия. Но какого?»

Вариант с недвижимостью остается как главный. Мертвый пленник не подпишет никаких документов; это и так понятно.

Что еще?

Еще я им нужен в хорошем физическом состоянии. Зачем? Для того чтобы подписать документы, хорошее физическое состояние желательно, но не обязательно. Возможно, цель моего пребывания здесь – какая-то иная.

Неужели опять из меня хотят сделать зиц-председателя? Возможно... Хотя маловероятно. Зачем запирать в подвал, держать в нем почти неделю? Можно было просто поговорить. А не бить куском трубы по башке.

Нет... Должна быть какая-то другая причина.

И еще одна интересная деталь. Старший охранник сказал, что, если бы не он... Значит, они за мной наблюдают или должны были, по крайней мере, наблюдать... Где-то здесь должна быть небольшая видео- или веб-камера, замаскированная подо что-то. Надо ее найти! – Решил Быков, открывая глаза. – «И найти прямо сейчас, пока они там втроем, наверху «перетирают» между собой, вряд ли они следят за мной».

Сергея стал осторожно, но очень внимательно осматривать потолок. Но тот бы чист и светел, словно простыня после первой брачной ночи девственницы с импотентом.

На стенах тоже ничего примечательного не обнаружилось. Но одна деталь все же царапнула взгляд наблюдательного физрука. Над дверью, которая находилась практически в углу бетонной комнаты, белым пятнышком торчал ажурный конус датчика пожарной сигнализации. От датчика вверх шел светлый провод. Так вот, провод был не таким, какие обычно используют в пожарных сигнализациях, он скорее напоминал о компьютерной технике, чем о примитивной противопожарной «сигналке».

Быков встал, стал медленно прохаживаться из угла в угол. Всякий раз, когда он возвращался к «сигналке», он внимательно вглядывался в глубь пластмассового решетчатого конуса. Но в комнате, в этом углу, было темно, и Серега толком ничего не смог рассмотреть.

Оставалось последнее. Он снял с себя рубашку, сделал вид, что выискивает, на что бы повесить свою помятую хламиду. Наконец Серега «нашел» выступ над дверью и осторожно повесил на него рубашку.

Почти сразу по лестнице застучали кроссовки. Быков отошел к крану, покрутил его, набрал в пригоршни воды.

Ворвавшиеся братки увидели уже, как он с наслаждением умывается, раздевшись по пояс.

– Мыло принесите! – попросил он охранников, совершенно искренне удивившись оперативности их появления в бетонном склепе. Братки переглянулись и один из них, видимо младший в бандитской табели о рангах, побежал вверх. Через минуту он вернулся с овальным бруском туалетного мыла. Серега протянул руку. Сверху в нее упал кусок принесенного мыла. Быков с наслаждением вымылся до пояса, потом, пользуясь тем, что охранники уже ушли, разделся донага и помылся уже полностью.

Сразу стало заметно холоднее. Серега подобрал с топчана рубашку, как бы случайно переложенную туда братками, тщательно вытерся ею. Потом он немного подумал, но все же надел ее на тело – чтобы быстрее сохла. На рубашку надел спортивную куртку – ту самую, в которой он был, когда садился в такси.

«Судя по оперативности, с которой охрана теперь стала выполнять приказы начальства, пожрать мне принесут минут через тридцать. Что ж. Ждать осталось недолго», – подумал Быков, поудобнее устраиваясь на топчане.

... На следующий день, практически с самого утра, едва переступив через порог родного офиса, Гасюк стал звонить по номерам, записанным в старой телефонной книге Сергея Быкова.

Людей, которые реально могли хоть чем-то помочь, оказалось трое. Игорь переписал их имена и номера телефонов к себе в записную книжку, решил встретиться лично – обо всем по телефону просто невозможно рассказать, тем более незнакомому человеку.

Первым в этом списке значился молодой человек с необычным именем. «Вовчик» – так обозначал своего знакомого Быков.

Игорь созвонился с Вовчиком, они договорились встретиться недалеко от цирка, в парке, который занимал почти весь квартал между улицами Советской и Нарымской.

– Володя Козликин! – представился симпатичный интеллигентный молодой человек, протягивая Игорю руку. Гасюк представился тоже, внимательно всмотрелся в молодого мужчину, севшего за столик напротив него. Выше среднего роста, мускулистый, двигается ловко и быстро, как леопард, ни грамма лишнего веса. «Наверняка занимается чем-то!» – определил Игорь. Он повернул голову в сторону девушки с передником, которая принесла чай (оба собеседника были за рулем) и кусочки торта, поблагодарил ее за любезность.

Они поговорили с Владимиром немного о погоде, Игорь поинтересовался, каким видом спорта занимается его собеседник. Оказалось, что тхэквондо. Гасюк, понимая, что тема эта для него очень интересна и близка, – после того как он перестал заниматься легкой атлетикой, Игорь увлекся именно этим видом восточного единоборства, – с трудом для себя, но все же перевел разговор на другую тему.

– У тебя какие отношения с Сергеем Быковым?

– Очень хорошие. Давненько не виделись, но часто созваниваемся... Нас познакомил Миша Певзнер, сын Михаила Файвовича – думаю, ты их обоих хорошо знаешь. – Игорь кивнул. – Он раньше работал в милиции, а теперь – адвокат. У нас был с Сергеем один совместный

проект... Дело, к сожалению, поднять не удалось, но это не повредило отношениям; с тех пор мы друзья.

– Мы с Серегой занимались легкой атлетикой. Моя фамилия – Гасюк...

– А! Да! Слышал о таком. Серега не раз вспоминал о тебе!

– С неделю назад Быков пропал. Приехал в город из Красноярска. Из поезда вышел, но на квартире так и не появился. У тебя нет соображений, куда он мог уехать?

– У матери был?

– Да, конечно... Она его не видела уже давно.

– Он мог закатиться к какой-нибудь шмаре?

– Ну... Вряд ли. Он все равно бы позвонил мне, как обещал, сказал где. Насчет этого он человек обязательный.

– А дальше он проехать не мог?

– Нет. Поезд был фирменный, до Новосибирска. А что, такое возможно?

– В принципе да. У меня в Мошково есть хороший знакомый, врач, однофамилец космонавта, погибшего при спуске с орбиты. Не так давно он рассказывал мне, что иногда у человека интересным образом проявляются заболевания нервной системы. Так вот, иногда бывает так, что человек как бы выпадает из окружающей действительности. Он в течение нескольких дней может ехать куда-то, при этом есть, пить, спать, играть в шахматы, разговаривать... Но потом, в какой-то момент, человек словно приходит в себя. Как пелена с глаз спадает. Хлоп – и человек видит себя в другом городе, на каком-то железнодорожном вокзале, в незнакомой местности... Один из признаков такого заболевания – человек на несколько мгновений задумывается, выпадает из окружающего мира; он потом ничего не помнит об этих секундах.

Ты у Сереги ничего такого не замечал?

– Нет. Скорее наоборот. Он в мельчайших деталях помнит все события, произошедшие с ним или с его друзьями за последние двадцать – тридцать лет...

– Это как?

– Ну, например, двадцать лет назад, на областных соревнованиях, мы бежали полторы тысячи метров. Победил Димка Табачиков. Серега занял второе место, я – третье. Мы начинаем спорить о результате, который тогда показали... Серега всегда прав, он помнит все детали, все результаты, вплоть до десятой секунды. Мы не раз спорили, и всегда память у Быкова оказывалась точнее.

– Так, и как это потом можно проверить?

– А грамоты? В них же все написано, в том числе и результат.

Игорь и Володя посидели за столом еще с полчаса, уже вместе попытались проанализировать, найти причину, по которой мог бесследно исчезнуть Быков...

– А где он раньше работал?

– В колледже. Преподавателем физвоспитания.

– Слушай, а съезди-ка ты туда. Серега не раз говорил, что там не коллектив, а настоящий паучатник. Причем главный паук – какой-то то ли Пущенко или Кущенко, точно не помню. Может, там что-то накопаешь?

– Надо попробовать, – согласился Игорь.

Они распрощались. Володя оставил Игорю номер своего сотового телефона, тот ему – свой. Козликин просил обязательно звонить, когда потребуется помощь или если он узнает что-то. А еще сказал, что Игорь полностью может на него рассчитывать в случае чего.

...Володя Козликин был личностью незаурядной. Еще в школе у него проявилось ярко выраженное математическое дарование. Юного мошковского вундеркинда быстро определили в математическую школу-интернат при Новосибирском государственном университете. После ее окончания Владимир легко поступил на физико-математический факультет главного

вуза Сибири. Сразу после его окончания Володя с головой окунулся в бизнес, зарабатывая частенько до сорока тысяч долларов в месяц. Но не забывал и о дальнейшем образовании, параллельно получил еще одно высшее. С двумя вузами за плечами, высокий, привлекательный, обаятельный, он легко наводил контакты с самыми разными людьми города...

Едва расставшись с Игорем, Владимир тут же набрал номер своего друга, адвоката Миши Певзнера. Миша взял трубку не сразу, разговаривал недолго. Он сразу извинился, сказал, что с клиентом на допросе в СИЗО, и просил перезвонить вечером.

Следующими в списке Игоря были еще два знакомых Быкова. Один из них был подполковник милиции, ныне пенсионер, бывший начальник службы безопасности местного отделения Сбербанка России. Его дочка несколько лет назад занималась в спортивной школе, правда, не легкой атлетикой, а лыжным спортом, но результаты она показывала очень хорошие и в маленькой спортивной школе ее знали все...

Игорь, пользуясь тем, что завтра выходной, а генеральный директор, «болея», укатил к родителям жены вместе с детьми и внуками, поискам пропавшего друга уделил, наконец, максимум своего внимания. Утром, во время ежедневного чайного ритуала, они договорились с остальными членами команды Николая Александровича, что Игорь все время будет на связи и приедет в офис тогда, когда это нужно. Это устраивало всех. Гасюк не маячил перед глазами в небольшой конторе, но Александр Федорович при необходимости мог всегда рассчитывать на заместителя директора.

... В Колывани Гасюк сразу поехал разыскивать отставного подполковника. На работе его, разумеется, уже не было, дома – тоже. Бывшего начальника следственного отдела он нашел на даче – так тот называл небольшой ухоженный, аккуратный и красиво отделанный деревом домик на одной из окраинных улиц районного поселка.

Бывший следок скромно сидел на крыльце, попивал пиво из стеклянной бутылки и находился в прекрасном расположении духа. Характер у Виктора Ивановича был непростой – это знали все, кто хоть раз с ним соприкасался. Не подлый, конечно, и не ехидный... Просто бывший милиционер, подполковник запаса, любил, чтобы с ним сначала немного поговорили, проявили уважение к залуженному человеку, а уж потом излагали свою просьбу. Наверное, он был по-своему прав...

Игорь не стал обманывать ожидания колыванского «Анискина». Повинуясь приглашающему взмаху руки, он прошел во двор, присел на чурку напротив крыльца.

– Будешь? – поинтересовался отставной следователь, доставая из-за спины непечатую бутылку пива. Игорь отрицательно покачал головой. – Ну, как хочешь! Тебе, наверное, еще в город ехать? А вот мне – можно. Я теперь на пенсии, на работу ночью не вызовут...

– Но вы же работаете начальником службы безопасности Сбербанка?!

– Работал! – поправил его «Анискин».

– Это как? Уволились?

– Уволился. Но не совсем по своему желанию.

– Это как-то связано с «делом Навозова»?

– Да, именно из-за этого случая.

Игорь отлично помнил этот случай – слухи о нем, словно сквозняки в доме без окон и дверей, интенсивно циркулировали по всему району. Официальное сообщение в местной газетке было коротким – собрались, переизбрали... На самом деле все было немного не так.

Илья Степанович Навозов, молодой специалист, некоторое время поработав после окончания сельскохозяйственного института главным агрономом, из-за острого кадрового голода на селе довольно быстро возглавил одно из крупных хозяйств района – акционерное общество

«Красный ноябрь». Очень скоро в «Ноябре» дела пошли в гору. Довольны были все – и администрация района, для которой бывший колхоз стал настоящим «маяком», но особенно – простые люди, или, как теперь иначе называют, работяги.

Игорь, знающий цену трудовой копейке, порой с большими сложностями зарабатывавший себе на кусок хлеба, просто диву давался, глядя на своего соседа – водителя автомобиля. Сосед каждую весну и каждую осень калымил на севе и на уборке в акционерном обществе «Красный ноябрь». После каждой кампании – посевной или уборочной – он покупал себе или детям новый отечественный автомобиль, запасался соляркой на полгода вперед – до следующей кампании, а уж зерна сколько привозил... Не одну тонну. И не две. На весь год хватало пшеницы и овса, чтобы выкормить нескольких поросят, да еще и корову с телятами голодом не морить – тоже.

Как догадывался Игорь, таких «соседей» только в Колывани было немало. А сколько их было еще и в самом хозяйстве?

Экономистом Гасюк был не очень сильным, но даже он понимал, что при существующих сумасшедших ценах на бензин, солярку, электроэнергию и все остальное рентабельность в сельском хозяйстве просто не может быть такой высокой, чтобы каждому сельскому труженнику за работу – не дивиденды – платили такие невероятно большие деньги. А плюс – еще сколько они прихватизировали сами?

Гром разразился, как обычно, среди бела дня – кредиторы «Красного ноября» стали требовать свои деньги. Вот тут-то и выяснилось, что Навозов, имея основных средств акционерного общества всего на пять миллионов рублей, умудрился заложить «Красный ноябрь» аж в шести разных местах, взяв кредитов на тридцать миллионов рублей!

Навозова не убили.

Может, спасло заступничество тогдашнего главы администрации района; возможно, кредиторы просто махнули рукой, поняв, что молодого, но уже матерого аферюгу не исправит и могила. Кредиторы совместно с руководством района договорились, что со временем акционерное общество все же рассчитается за взятые кредиты. Горожане поставили своего человека, в надежде когда-нибудь вернуть хотя бы часть средств, вложенных в сельское хозяйство страны.

Но больше всего об отставке Навозова горевали работяги. Им совершенно не было дела до того, что всего один человек за три или четыре года загнал в долговую кабалу почти тысячу человек. Загнал на десятилетия вперед. Для них имели значение только деньги. Здесь. Сейчас. Много.

– А вы-то каким боком причастны к «делу Навозова»? – искренне удивился Гасюк.

– Так среди кредитных миллионов, которые Навозов взял в разных местах, есть и пол-миллиона рублей из Сберегательного банка.

– Но вы-то здесь при чем? Решение все равно же принимали не вы?

– Не я. И даже не руководитель Колыванского отделения Сбербанка. Его, кстати, как и руководителей отделов, тоже уволили под эту лавочку...

Когда Навозов просил кредит, мы не давали. Тогда пришли из администрации, от главы района Петухова, сказали, что кредит нужно дать. Вот и все...

...А ты чё заехал-то? Спросить что хотел?

– Да... Вот Серегу Быкова ищу. Нашел в его записной книжке вашу фамилию и ваш рабочий номер...

– А, это тогда Быков брал кредит у нас в банке – пять тысяч рублей, на три года. У него пару раз были просрочки – на день, на два... Я ему по-соседски иногда напоминал, когда приходило время платить кредит. Он тоже звонил, спрашивал, уточнял кое-какие вопросы. Например, как платить, если дата, указанная в договоре, выпадает на праздничный день.

– И как?

– Досрочно, конечно. А что случилось-то?

– Да, вот пропал Серега. Нигде не могу найти...

– Тут я тебе не помощник. Единственное могу посоветовать – будь очень внимателен ко всякого рода мелочам. Однажды такая мелочь помогла мне раскрыть преступление.

– Расскажите?

– Ну, слушай. Дело было еще при Брежневе. Как-то раз, в колхозе имени Кирова, в Чаусе, рано утром, зимой, обнаружили, что из подсобки коровника исчезли шесть мешков зерна. Мы выехали на место. Замок сломан, мешков нет. Нет и никаких следов. Я отправил помощника – молодого следователя – делать подворный опрос – может, кто-то что-то и видел, – а сам вышел на дорогу. Ночью прошел небольшой снег, следов не было никаких. Понять, куда могли поехать воры, было невозможно. Солнце было уже высоко, прямо передо мной, и в какой-то момент на запорошенной дороге – словно золотинка сверкнула. Я наклонился. На снегу – тоненькая дорожка из пшеничных зерен. Видно, что свежая. Я тогда подумал, что какой-то из украденных мешков мог быть с небольшой дырочкой.

Вот по этому золотистому следу мы, как по тропинке, и пришли к ворам, прямо домой. Захожу во двор. В углу – верхняя половина березы. Воры ее срубили в лесочке неподалеку, прицепили к трактору сзади и замели ею все свои следы.

Захожу в дом. В сенцах – шесть мешков с зерном. Открываю дверь в хату. За столом – двое мужиков. Разливают водку. Тот, который ко мне лицом, увидел меня; я по его мгновенно изменившемуся лицу сразу понял, что это он украл зерно. Вор наливает себе водки – полный стакан – и тут же залпом ее выпивает. Не закусывая. И не отводя от меня глаз. Второй меня пока не видит, он не понимает, что они уже попались, начинает что-то спрашивать. Потом поворачивается, видит меня... Берет со стола бутылку и залпом ее выпивает – до дна.

– Ну и сколько им дали?

– Шесть мешков – шесть лет. На двоих. По три года – каждому.

Гасюк попрощался, сел в машину. По дороге домой он все еще размышлял над гримасами Фемиды. Украл шесть мешков зерна – шесть лет тюрьмы; шесть раз украл акционерное общество – даже не оштрафовали...

Возвращаясь домой, Игорь покрутил головой, разминая затекшую шею. Метод научного тыка пока не дал положительных результатов. За день он узнал много нового и интересного, но ни на вершок не продвинулся к пониманию того, что могло произойти с Серегой, куда он мог деться и где его нужно искать.

Неожиданно зазвонил телефон. Гасюк посмотрел на номер. Он показался ему смутно знакомым.

– Алле! Гасюк слушает!

– Здорово, Игорек! Это Володя Козликин. Мы с тобой сегодня общались в Нарымском сквере...

– Конечно, помню. Что-то хотел?

– Да. Есть тут одна мысль. Ты не подскажешь, какого числа и во сколько приехал в Новосибирск Быков?

– Подскажу! Он приехал фирменным поездом Красноярск – Новосибирск. – Игорь назвал дату и время.

– Спасибо! Я тебе завтра перезвоню!

Володя Козликин положил телефон на журнальный столик, вернулся к столу, за которым они сидели с Мишей Певзнером. Михаил, умотавшийся за день по своим адвокатским делам,

вечером все же приехал к Вовчику, и теперь они вдвоем, на кухне, относительно спокойно размышляли, куда мог исчезнуть Серега Быков и какие меры нужно предпринять, чтобы его найти.

Первая же мысль, которая посетила обоих друзей пропавшего тренера, – железнодорожный вокзал. Место, прямо сказать, не самое приятное для любого человека, оказавшегося там.

Рэкетеры, под видом диспетчеров набирающие и куда-то увозящие пассажиров, сутенерши, предлагающие не только квартиры, но и «девочек с апартаментами», таксисты – бомбилы, частные и от каких-то фирм, бомжи, нищие... Все они кормятся здесь, каждый находит для себя «немножечко денег» на кусок хлеба. Этот кусок иногда – черствая корочка, посыпанная солью. Но чаще это белый ломоть, хорошо промазанный маслом, а у рэкетиров – еще и с большим толстым слоем икры.

«Нужно точнее отследить путь Сереги по привокзальной площади, – решили Володя и Миша. – Возможно, это даст какие-то зацепки, концы ниточек, которые приведут к разгадке пропажи человека».

Михаил, как бывший оперативник, знал, что на Центральном вокзале Новосибирска уже существует хорошо отлаженная система скрытого видеонаблюдения за всеми болевыми точками железнодорожного вокзала. Для постороннего глаза она практически незаметна, но от этого она даже более эффективна.

Диски с записями с более чем трех десятков видеокамер хранят, как правило, не более месяца. Если за это время диск остается невостребованным, он стирается и используется заново, для новых записей.

Проблема была в том, как получить такой диск. Железная дорога – организация режимная, во многие помещения вход строго по пропускам. Некоторую свободу давало удостоверение сотрудника МВД, но сейчас Михаил был адвокатом и на послабления в режиме секретности рассчитывать не мог. Оставался Вовчик – с его огромными связями и потрясающим обаянием.

Вовчик весь вечер звонил в разные места и в конце концов каким-то образом узнал, что руководит всей службой видеонаблюдения на Центральном вокзале его старый друг и однокашник по ВМШ. По телефону он долго пытал своих друзей, выискивая номер мобильного Гриши – так звали его одноклассника по математической школе. Наконец кто-то вспомнил номер телефона его матери.

Мама Григория Володю узнала – он не раз бывал у Гриши в гостях; долго копалась в своих записях; наконец нашла то, что искала.

– Записывай, Володя! – сказала она и продиктовала номер телефона своего сына. – У него телефоны каждый месяц меняются, вот – еле-еле нашла его последний номер...

Эмтээсовский номер Григория долго не отвечал. Длинные гудки говорили о том, что мобильник включен, но его владелец по каким-то причинам не берет трубку – занят или просто не слышит.

Наконец гудки прекратились. Голос у Григория был бодрым, он почти сразу узнал Вовчика, долго расспрашивал о его делах, немного рассказал о своих. Козликин, чувствуя, что разговор может затянуться, предложил Грише перезвонить на домашний. Бывший однокашник охотно согласился.

– Гриша, у меня к тебе небольшая просьба! – сказал наконец Владимир, после того как они обменялись со старым другом всеми новостями.

– Какая? – мгновенно насторожился Григорий. По опыту он знал, если начинают звонить старые друзья, которые не вспоминали о нем несколько лет, то, скорее всего, будут просить деньги. Денег Гриша давать в долг не любил, потому что характером обладал мягким, его заемщики об этом знали, возвращать взятые денежные средства не спешили. По истечении

какого-то времени Гриша понимал, что усилия по возврату денег, данных в долг, уже чересчур высоки и проще забыть о них, чем ежедневно мучиться из-за того, что денег своих он больше не увидит никогда. Со временем Григорий стал более осмотрительным, денег в долг больше не давал, а если давал, то небольшие суммы, такие, которые не будет жалко, если их не вернут. Но деньги теперь почему-то возвращали без напоминания...

– Не бойся, денег просить не буду! – рассмеялся Володя, услышав настороженность в голосе старого знакомого. – Просьба такая: нужна копия записи с камер слежения за... – Владимир назвал дату. – С половины одиннадцатого до двенадцати часов дня. Место, которое меня интересует, – привокзальная площадь и переходной мост.

– Это все?

– Нет, не все. За копию, если ты сделаешь ее оперативно, до полуночи, я могу заплатить тебе немного денег.

– Сколько – немного?

– На твое усмотрение! А сколько попросишь?

– Косарь дашь?

– Без проблем, Гриша. Без проблем!

– Еще вопрос можно?

– Можно. Какой?

– Это как-то связано с криминалом?

– Упаси боже! Чисто профессиональный интерес. Один человек утверждает, что приехал именно в это время на поезде Красноярск – Новосибирск. Я просто хочу убедиться, врет он мне или нет.

– Тогда встречаемся через час. С правой стороны, там, где небольшая стоянка автомобилей и шлагбаум.

– Договорились!

Около полуночи Володя и Миша на «тойоте» адвоката подъехали к месту, у которого была назначена встреча. Гриша появился вовремя. Они обнялись с Володей, долго тискали друг друга...

Диск с записью оказался обычной сидишкой. Перед тем как проститься, Григорий сказал, что запись черно-белая и ее можно посмотреть на любом компьютере, у которого есть CD-ром и стоит программа «Проигрыватель Windows Media».

Миша Певзнер довез Вовчика до дома. Друзья договорились, что завтра с утра вызвонят Игоря и все вместе посмотрят запись, попробуют найти следы присутствия Быкова на площади перед вокзалом.

... Утром Игорь решил в кои-то веки поспать подольше, понежиться на чистых простынях рядом с любимой женой.

Обычно он просыпался рано. Шеф в восемь утра, как правило, уже был в офисе. А приходиться на работу позже генерального директора у нормальных и порядочных людей просто не принято.

Гасюк поэтому вставал рано, не позже шести часов утра.

И вот сегодня, когда он точно знал, что Николай Александрович в отъезде и на работу можно приехать с небольшим опозданием, а значит, хоть сегодня можно выспаться, ему позвонили. В семь утра.

Он долго не хотел брать маленького звонкоголосого «палача», лежавшего на тумбочке около кровати, но музыка из мобильного становилась все громче и все тревожнее...

Звонил... Вовчик. Гасюк едва не пожалел, что так опрометчиво дал вчера номер своего телефона, по сути, незнакомому человеку. Однако после первой же фразы математика-вундеркинда сон исчез, подобно советским рублям, положенным на сберегательную книжку в застойное время.

– Приезжай поскорее в город! – сказал Володя. – Мы с Мишкой Певзнером вчера вечером достали запись с видеокамер слежения за территорией привокзальной площади за тот день, когда там был Быков. Если он проходил через площадь, мы его обязательно увидим. У тебя есть где ее посмотреть?

– Конечно, есть! – ответил моментально проснувшийся Игорь.

– Тогда добро! Где встречаемся?

– Давайте через полтора часа! Прямо у нашего офиса!

– Лады! Давай у офиса! Диктуй адрес...

Глава 7. Четвертый участник «сафари»

...В один из выходных дней, позапрошлым летом, старые друзья Степы пригласили его на шашлыки. У Степы имелся свой катер, доставшийся ему «в наследство» после выбивания какого-то долга, – им «клиент» погасил часть задолженности перед братвой. Впрочем, оставшая часть долга так и продолжала висеть на нем, ежечасно обрастая процентами, как ноги – глиной на размокшей после сильного ливня разбитой проселочной дороге. В конце концов должника по-тихому «слили», то есть пристрелили и прикопали в одну из свежих могил на каком-то из кладбищ Новосибирска. А катерок, как оказалось, очень даже исправный, достался Степе. Немного подновленный – подкрашенный и с отремонтированным дизельным двигателем, – он уже шестой или седьмой сезон исправно возил Степиных «коллег» и родственников в отдаленные и уединенные уголки на островах Обского моря.

Как-то в Степин катер забрался бомж – грязный заросший мужчина примерно тридцати пяти лет. Поздней ночью он, пользуясь тем, что судно стояло довольно далеко от сторожей, прокрался в катер, отмычкой открыл замок, ведущий в кают-компанию. В холодильнике, работавшем от большого судового аккумулятора, он нашел немного водки и тут же ее всю выпил, закусив большим куском копченой колбасы, лежавшим здесь же, под морозильником.

Степа обнаружил бомжа только тогда, когда прошел уже большую часть пути к острову, на котором они с братками договорились встретиться. Причем это, скорее, бомж обнаружил себя, неожиданно появившись на палубе – его замучили позывы на малую нужду.

Немного справившись с первыми эмоциями – удивлением и гневом, Степа поначалу хотел просто выкинуть непрошеного гостя за борт, но потом почему-то передумал. Он дал бомжу сделать его дела, а потом отвел его вниз и запер в крохотной кладовке, строго-настроено, под страхом смерти запретив ему подавать хоть какие-то признаки жизни. А чтобы бомжу было веселее, он налил ему стаканчик водки. Огненную воду бомжара принял с благодарностью, он подрагивающими руками принял пластиковый стаканчик и маленькими глотками выпил «лекарство» от похмелья.

На острове Степа совершенно забыл о пленнике, уснувшем, по всей видимости, в чуланчике Степиного катера.

Уже под вечер, когда были выпита вся водка, съедены все шашлыки и рассказаны все анекдоты, кто-то предложил пострелять по бутылкам. Братва доставала привезенное с собой оружие, лихо палила из макаровых и ТТ по порожней таре, оставшейся после молодецкого возлияния Бахусу.

Вскоре наскучило и это. Бутылки были далеко, пистолеты никак не хотели фиксироваться на маленьких целях, всем скоро тоже надоело палить в молоко.

И вот тут у Степы неожиданно родилась идея, как поразвлечься еще, – он вспомнил о безымянном бомже, запертом у него на катере.

Он сходил на катер, приволок упирающегося мужичка. «Вот, это заяц! – пояснил он недоумевающим “коллегам”. – Давайте поохотимся на него».

Предложение поначалу было воспринято без особого энтузиазма, но Степа пояснил, что бомж забрался на катер сам, выпил всю водку и сожрал всю колбасу. А еще добавил, что в случае чего искать этого бомжа не будет никто.

Вначале бомжа хотели просто расстрелять, привязав к дереву, – на манер казней «воинами Аллаха» русских мальчишек, попавших в плен этим бойцам «независимой Ичкерии».

Но братва эту идею отвергла – молодым мужикам хотелось погони, хотелось движения.

Бомжу объяснили задачу, дали фору – около минуты, а потом все гурьбой кинулись за «зайцем».

Гоняли «дичь» недолго. Проспиртованный организм не выдержал напряжения погони уже за вторым холмом. Бомж свалился на четвереньки, почуяв смерть, из последних сил пытался ползти, но было уже поздно. Тренированные парни легко настигли «зайца», от бедра от души палили из пистолетов в еще шевелящегося мужика.

Когда прошел первый пыл, стал вопрос: куда девать тело? Оставлять изрешеченный пулями труп на острове было глупо – рано или поздно тело мог кто-то обнаружить. Везти тело через весь город, на кладбище, тоже было опасно – гаишники тоже не дураки, проверяют практически все подозрительные машины.

И братва тогда решила все предельно просто – о трупе позаботится Степа. Он предложил забаву, ему и решать вопрос с уничтожением улики.

Степа в душе немного погоревал о таком повороте дела, но вскоре легко нашел выход. Он привязал к телу бомжа несколько камней в пластиковом мешке и сбросил его где-то далеко в море, посередине между островом и дамбой гидроэлектростанции.

Уже под утро, когда уставшие «хантеры» побросали свои сумки на катера и забрались на них сами, кто-то из братков обронил: «Если такую охоту правильно организовать, на этом можно поднять неплохие бабки».

Мысль эта крепко засела в голову Степы, он долго думал над тем, как ее можно реализовать.

Главное в бизнесе – это клиенты. Эту азбучную истину Степа усвоил не хуже любого менеджера из крупной компании или студента – выпускника экономического вуза. Клиенты – будут. Это он понял довольно скоро, когда «прощупал» некоторых своих знакомых на предмет охоты на необычную «дичь».

«Охота дорогая, – говорил он своим собеседникам. – Но удовольствие того стоит». Многие, смутно догадываясь, к чему клонит бывший борец, соглашались поучаствовать в такой охоте, даже за довольно большие деньги.

Второй вопрос, который, как полагал Степа, нужно решить, – это «дичь», или «заяц», как договорились называть его между собой все участники процесса. «Заяц» должен быть мужчиной, от тридцати до сорока лет, физически крепкий – так, после долгих раздумий, решил «авторитетный предприниматель» Степанов. Чтобы был не слишком выносливый, но и побегать немного мог – тоже, дабы сохранять интерес к «игре» длительное время.

Добывать «зайцев» в городе было довольно опасно, всегда мог найтись человек, который что-то видел, знал, мог настучать. Вот тогда-то Степа и вспомнил о своем старом знакомом Викторе Хорякове. Хорь «курировал» левую половину железнодорожного вокзала Новосибирск-Главный и занимался тем, что разводил пассажиров.

Разводил, разумеется, на бабки. По молодости, отмотав за вооруженное разбойное нападение восемь лет в лагерях, он вышел оттуда с полностью сформировавшимися жизненными принципами. Одной из его жизненных установок была такая: прав тот, кто сильнее. Не имело значения, на чьей стороне правда. Важнее было другое – умение «загрузить», заставить человека почувствовать свою слабость, принять точку зрения, навязываемую ему Хорем. И Хорь в этом немало преуспел. В том числе в том, чем он занимался сейчас.

Любого, подходившего к нему, как к диспетчеру, он сначала разводил – заламывал несусветные цены, убеждал человека, что это именно столько стоит, а уж потом – передавал одному из своих таксистов.

Хорь лучше всего подходил на роль поставщика «зайцев», которых в Новосибирске никто не будет искать.

За свою «работу» от Степы Хорь получал обычно две тысячи долларов. Четвертую часть этих денег он отдавал таксисту, который уже в машине обрезком железной трубы оглушал выбранного Хорем клиента и доставлял «на подвал», где бесчувственного «зайца» передавал Хоботу – бывшему борцу, имени которого давно никто не помнил, а звали все исключительно по кличке – за длинный мясистый нос, занимавший почти половину лица, из-за чего Хобот очень был похож на сенатора Ивана Старикова, бывшего агронома, бывшего заместителя министра и бывшего кандидата в губернаторы Новосибирской области.

Первое же затеянное Степой «сафари» едва не провалилось.

«Хантеров» было всего двое, вооружены они были только пистолетом «Тульский Токарев» китайского производства и револьвером системы «наган». Они долго – целый день – искали спрятавшегося под ветками, за камнем «зайца», но так и не нашли. Один из охотников даже стал роптать, намекая на то, что это-де подстава – «дичь» давно уплыла с острова на заранее припрятанной лодке. К счастью, Степа тогда еще не позволял себе даже ненадолго оставлять своих «клиентов», он прихватил из катера (как чувствовал!) специально для такого случая прикупленный автомат Калашникова, и они уже втроем, методично, куст за кустом, камень за камнем начали прочесывать весь остров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.